

Василий Брюхов
Василий Крысов
Дмитрий Лоза

ТАНКИСТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ!

Василий Брюхов

Воспоминания танкового аса

«Яуза»

Брюхов В. П.

Воспоминания танкового аса / В. П. Брюхов — «Яуза»,

Лучшие мемуары танкистов Великой Отечественной. Откровенные воспоминания советских танковых асов. Они воевали на самых разных машинах – Т-34 и КВ, СУ-122 и СУ-85, «Матильдах» и «Шерманах». Они уничтожили более полусотни единиц вражеской бронетехники и сами много раз горели в подбитых танках. Они с боями прошли от Москвы до Берлина, Праги и Порт-Артура. Они победили!

© Брюхов В. П.

© Яуза

Содержание

Детство	5
Война	17
Танкист	21
Фронт	30
1944	40
Бригада	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Брюхов

Воспоминания танкового аса

Детство

Я родился 9 января 1924 года в г. Оса Пермской области, на Советской улице. Дом, в котором потом прошло мое детство, так там и стоит. Помню, как сестра ведет меня за руку по колее, наезженной телегами. Мы поднимаемся по ступенькам в дом, а там плотники еще не закончили отделывать последнюю комнату. Стружки здоровые лежат, – я их гонял, а они так тихо шуршали...

Отец рассчитывал, что семья будет большая, и дом строил соответствующий – хоть одноэтажный, но просторный, с глубоким подвалом для хранения солений и картошки. Дом был разделен на большую гостиную, в которой стояли стол и стулья, маленькую комнатку, где спал отец, прихожую и кухню. На кухне была кухонная печь с площадкой, где спали маленькие дети, и полатами. Там мы все спали и веселились, и самое главное – ни мать, ни отец нас ни в чем не останавливали, не ругали, что мы шумим.

В то время это была окраина – наш дом стоял вторым от края, а дальше, за жердевым забором, начинались поля и дорога на деревню Мазунино. В городе жило тогда примерно 28 000 человек. Это сейчас Оса районный город, а раньше это был провинциальный уездный купеческий городок. Расположился он в междуречье Тулвы и красавицы Камы. Сам город, стоявший на абсолютно ровном месте, прорезала река Осинка. Речушка была неглубокая, но с омутами. Здесь мы учились плавать, привыкали к самостоятельности, а чуть повзрослев, шли на Каму и Тулву. На Каме был прекрасный, обширный песчаный пляж с чистым и крупным речным песком. К реке примыкали просторные пойменные луга, поросшие пышной травой, буйным кустарником и отдельными могучими деревьями. Здесь горожане пасли скот, заготавливали на зиму корма, здесь же и отдыхали. В моей памяти остались светлые воспоминания об этом райском уголке, так быстро исчезнувшем под слоем воды после создания Камского водохранилища.

Все лето мы пропадали на реке – семья большая, кормиться летом вообще нечем, кроме картошки, свеклы и моркови. В основном мать делала окрошку: старая квашеная капуста, вареная картошка, несколько яиц и несколько ложек сметаны. А на реке было много рыбы. Мы бредожками всяко за час ведро наловим – и самим поесть, и домой принести.

Город утопал в зелени. У каждого дома в палисаднике росли цветы, был и огород – 20–30 соток земли под картошку и овощи. В центре улицы были вымощены булыжником, остальные же были немощенные. Дома в основном были деревянными. Только в центре города стояли каменные – несколько жилых домов, в которых до революции жили богатые купцы, каменными были также магазины, рынок, тюрьма и клуб. Помню, что в клубе стояли два шикарных билльярдных стола, и в билльярд играли только на деньги. Отец здорово играл и за одну ночь мог выиграть зарплату, которую целый месяц выколачивал в кузнице молотком. Он меня все таскал с собой, хотя мать сильно ругалась: пытался учить, но билльярдиста из меня не получилось. В этом же клубе был зал для заседания уездной думы, мест на триста, и уже при советской власти там зимой часто ставили постановки. Очень красивый зеленый бульвар уходил от клуба в сторону Камы, к пристани. Там стоял летний театр, даже приезжали знаменитые артисты цирка со всеми своими приспособлениями и воздушные акробаты. Приезжал и КИО¹ со своими фокусами, которые мы никак не могли разгадать.

¹ Эмиль Теодорович Гиршфельд-Ренард, использовавший в те годы псевдоним КИО (не Кио). (Прим. ред.)

В городе было три церкви. Две разрушили: я помню, как сбрасывали колокола, они падали и разбивались, а мы, ребяташки, визжали от восторга. Одну церковь, которая находилась рядом с кладбищем, сохранили. Удивительно, но эта церковь работала и до войны, и всю войну. Особенно она стала популярна после войны, когда служить в ней приехал дьякон: красивый мужчина лет 28–30, капитан-летчик. Его сбили, и он попал на территорию противника, где каким-то чудом спасся. И вот он уверовал, что есть Бог, и дал себе слово: как только спасется, то сразу пойдет в церковь. Его подобрали партизаны. Еще война не закончилась, когда он был демобилизован по ранению. Народ повалил, и даже не столько на службу, а чтобы на него посмотреть, его послушать. Пацаном я в церковь тоже ходил. Особенно любили мы причастие – давали сладкий кагор. Вот раза три-четыре подойдешь, а потом тебя приметят: «Ах, оголец!» Поп шлепка даст и выгонит...

Отец был совсем не набожный, в религию не вникал. А вот мать стала набожной во время войны: молилась, чтобы дети остались живы. Нас трое было на фронте: брат, я и сестра. И вот мама все молилась, и потом, когда закончилась война, и мы трое пришли домой, она говорит: «Я за вас очень молилась, и вы остались живы». Я ей говорю: «Мама, за всех же молились, но не все остались живы?» – но разубедить ее я уже не мог. Говорит: «Я лучше молилась». Когда уже закончилась война, мать в церковь редко ходила, некогда было. Ведь ей было уже за 40, когда она последнего родила, в 1942 году. Помню, что, когда я узнал, что у родителей еще одна дочь родилась, я такое грозное письмо написал матери! «Что же вы нищету разводите, что ж вам не хватило той нищеты, которую мы перенесли?» Я страшно не хотел, чтобы много детей было, потому что тяжело жить, когда много детей. Каждому надо было что-то покупать, каждого кормить, каждого надо воспитывать. И вот я даже такую глупость сделал, что всю войну писал письма, и никогда маленькой сестре не передавал ни приветов, ни ответов, она для меня как умерла! Я так матери и написал, что для меня она не существует... Конечно, я мать обидел. А когда приехал с войны, гляжу, такая шустренькая девчушка бежит. И так она мне понравилась! Тоже боевая, шустрая, как мама!

Единственная дорога, которая соединяла нас со страной, – это Кама. Летом жизнь была ключом, люди ездили в Пермь, в другие прибрежные города, а зимой всякое движение прекращалось, городок как бы засыпал под снегом. Зима начиналась в конце сентября, всю зиму были устойчивые морозы от –20–30 и до –45 градусов, которые стояли до апреля. Даже в мае можно было утром кататься на коньках по замерзшим за ночь лужам, а на лыжах мы катались до самого апреля. Лыжи делали сами, а вместо креплений использовали кожаный ремень. Бегал я великолепно – даже взрослые мне уступали! Когда я стал чемпионом района², мне дали хорошие лыжи с креплениями. Тут уж мне вообще не стало равных. Катались мы на Пугачевских горах, недалеко от города. Как мы утром уходим, только к вечеру еле ноги приносим. Придешь, чуть капусты поешь, заваливаешься спать – и спишь мертвым сном.

Мой отец был двадцать вторым ребенком в семье – девять двоен бабка принесла и четыре раза рожала по одному ребенку. Рос он крепким, здоровым, очень сильным парнем, но образования получил всего 4 класса. Его отец, мой дед, умер, когда ему было 10 лет, а мать умерла пятью годами ранее. На воспитание отца взяла сестра. В одиннадцать лет он пошел работать молотобойцем в кузнице мужа сестры Вихорева, а в 1912 году ушел в армию. Отвоевал империалистическую войну, Гражданскую войну: был у Колчака, потом перешел в Красную Армию и воевал уже против Колчака в армии Блюхера. В одном из боев отец получил множественное ранение осколками ручной гранаты. Осколки были мелкие, но все лицо и грудь были изранены. Его отвезли в госпиталь, после которого он вернулся домой.

Отец любил, когда мы, пацаны, и особенно малыши, его облепляли. Я помню, в воскресенье после обеда он развалится и, как медведь, с нами возится, переворачивается. У него

² Осинского района Пермской области. (Прим. ред.)

осколки были кругом, мы находим и выколупываем – то из уха, то из груди. Конечно, это больно, но он молчит, терпит. Мы думали, что хорошее дело делаем...

Он был очень опытным кузнецом. Рядом с домом стояла деревянная сельская кузница, где отец работал с раннего утра до позднего вечера. В середине тридцатых ее снесли, и отец работал в кузнице, которая принадлежала подсобному хозяйству горсовета. Три кузницы были рядом – но все ехали к нему, он большой мастер был. Знали, что он лошадь никогда не закует, что если надо телегу оковать, то он все сделает добротнo и вовремя. Когда машины начали появляться, он даже кое-когда запчасти для них выковывал. Еще он делал очень красивые витые заборы. И потом добрый был, много просто так отдавал. Кочергу или какой-то топор – «Ладно, забирай». Мать его потом пилит: «Где топор?» – «Отдал. Сделаю, сделаю, не шуми». Большим хлебосолом был! А какой у него был голос! В армии он был ротным запевалой. После того как вышел из госпиталя, его даже приезжали слушать из Пермского оперного театра, предлагали ехать учиться в Москву, но он отказался, – ему было тогда 28 лет, и он сказал: «Уже поздно». Слишком уж долго, восемь лет, он прослужил солдатом в армии, устал и захотел домой. Но сколько я помню, до самой смерти отец все время пел или что-то мурлыкал себе под нос. Помню, зимой идет из гостей выпивши, поет... Когда он вышел на пенсию, то записался в хор пенсионеров при Осинском доме культуры, где долго выступал солистом.

Моя мать, Надежда Никифоровна, была дочерью бригадира каменщиков. При строительстве одного из трех храмов города он сорвался с лесов и разбился – мать осталась одна. Она увлеклась стряпней: разные булочки, шаньги, хлебцы выпекала, а потом продавала на рынке. Отца она знала еще до того, как тот ушел в армию, – он ухаживал за ее старшей сестрой, а ей, тогда десятилетней девочке, поручал вызывать ее из дома. Когда она себя плохо вела, то ее пугали им: «Вот погоди, Панка (Павел) придет, он все окна побьет и тебя вместе с ними!» Так случалось, бывало, он так делал. Конечно, он же безотцовщина! Раньше на каждой улице города был свой «клуб»: в более просторной избе собиралась молодежь, там пляска была, кадрили, песни пели. И очень не любили, когда с другой улицы кто-то приходил. Даже как бы райончики были: Ершовский район и другие. А если вдруг кому-то девчонка понравилась с другой улицы и он начинал туда ходить, его оттуда убирали. Он тогда собирал друзей, они шли туда, потом находили предлог, и начиналась потасовка! Но отец ходил смело, решительно: кулак у него был здоровый, и от него разбегались. Отец был среднего роста, но широкоплеч и могуч – он обладал удивительно большой силой. Но потом ему мстили: один раз, как отец рассказывал, встретили его, окружили с кольями... У него за пазухой были стальной прут и нож в кармане, но пока он разворачивался, ему как врезали по горбушке, и он упал. Потом, конечно, все разбежались, потому что лежачего не бьют. Но он знал, кто это был: парни не прятались, маски никто не надевал. Такую бойню они там потом устроили, побили его обидчиков сильно!

Когда отец вернулся из армии, ему было 28, а матери 18 лет, ее старшая сестра уже вышла замуж и уехала в Томск. Тетка, у которой жил отец, подобрала ему богатую невесту. А ему мама понравилась: она была маленькая, шустрая, веселая, говорливая. Он сказал, что женится на ней, – высылайте сватов. Приехали, а мать наотрез отказывается. Вплоть до того, что угрозила: «Удавлюсь!», и даже приготовила веревку. Потом ее все-таки уговорили. И они прожили жизнь в мире и дружбе, родили 10 детей. Я не видел ни одной семьи, чтобы так дружно, так любезно прожили всю жизнь, как мои родители! Никогда не слышал, чтобы отец ругнулся на мать. Мать же могла на него шумнуть, и он беспрекословно подчинялся.

Мать любила чистоту, порядок, любила, чтобы у нее блестели полы. Она была большой выдумщицей, гадала на святки, колядовала. Помню, рядом жил дядя с женой. Эта полненькая женщина была чересчур любопытна: любила и подслушать, и поболтать. И вот однажды мать оделась мужиком и подкараулила ее. Та выходит из дома, а мать повалила ее и имитирует изнасилование. Та потеряла сознание. Сразу забегали, позвали врача. Пока врач пришел, ей

стало легче. Потом они с год не разговаривали, так она обиделась на мать. Вот такой был у мамы неумейный характер: то цыганкой нарядится, пойдет гадать, то еще что-то учинит.

Она окончила 7 классов гимназии и была очень начитана, знала литературу. Летом ей некогда с нами было заниматься, а зимой мы залезали на печку, и она нам читала сказки Пушкина, а позже «Евгения Онегина», стихи Лермонтова. Мы все произведения знали наизусть. Потом мы уже сами с малышами разучивали стихотворения, знания передавались «по наследству» между детьми. Мама приучила нас ходить в библиотеку. В городе были детская и взрослая библиотеки. Публика была очень читающая, очередь за книгами была всегда! Библиотекари были внимательные, начитанные, – они занимались просветительской деятельностью, могли посоветовать: «Почитайте это или то». С 4-го класса я начал читать очень активно и очень много и где-то к 9–10-му классу прочитал все, что было: полное собрание сочинений иностранных и наших авторов. Помню, «Три мушкетера» мне дали на сутки, и я за сутки их прочитал. Тогда настольных ламп не было, только лампа с керосином и свеча. Когда на печке было свободно, я туда залезал и читал.

Частенько у нас жила слепая сказительница, которая ходила по домам. Ее кормили, поили, она спала в доме и рассказывала сказки о разных чудесах, о леших, русалках и прочей нечисти. Мы жались от страха, чуть где-то скрипнет, мы уже озираемся – так она нагоняла на нас страху. Один раз рассказала, что после третьего жара нельзя ходить в баню, поскольку там черти моются. Первый жар – идут париться взрослые. Второй – идет молодежь. А в третий раз – мать ведет детей. Мы с братом решили: «Дай проверим!» Взяли ножи, пошли. Свечка горит, отражается в луже на полу, а нам кажется – глаза! Быстрее помылись и бежать! Никаких там чертей не было, никто за нами не гонялся, мы просто сами сдрейфили!

Как-то мне сказали, что «Вий» надо читать одному и после 12 часов ночи: вот тогда увидишь, как черти бегают, они тебя окружают. Я дождался 12 часов, когда все уже уснули, забрался на печку, взял книгу, лампу и начал читать. Такое большое произведение, я читал, читал – почти до утра. Полное разочарование, никаких чертей я не видел! После этого я понял, что никаких чертей нет, и уже ничего не боялся.

Отец, мне кажется, не принимал участия в процессе воспитания. Нравоучений он не читал, редко вмешивался в наши дела и шалости, был очень терпим к нам. Мы же, глядя на то, как он трудится с утра до вечера, каким уважением он пользуется у других, как он все делает добротнo, равнялись на него. У нас в семье не было лодырей, все работающие: девчонки помогали матери, мы – отцу. Родители приучали нас зимой убирать снег в огороде и на тротуаре вдоль дома и участка, прилегающего к нему. Летом – сажать овощи в огороде, пропалывать, окучивать картофель, ухаживать за птицей и живностью, которая у нас была, – курами, коровой. В городе почти у каждой семьи тогда была корова. Пастуху от каждого дома по очереди выделялись два помощника. Те, кто не мог выделить, просили кого-то и платили за работу 3 рубля. Я очень любил ходить подпаском – 3 рубля, бутылка молока и кусок хлеба. Меня это устраивало. Ночью сидишь, костер горит, скот спит, а утром его поднимаешь и гонишь, чтобы наелся, и уже сытым гонишь домой на дойку...

Мое детство выпало на годы становления Советского государства. Все земли в 1918 году были конфискованы у помещиков и церковников и разделены между крестьянами. Дележка, конечно, была не простой, крепкие мужики бились за хорошие угодья: они знали, где лучше пахать, где хорошая земля. А разные пьянчуги, лодыри, им какая разница, какую землю дадут? Они землю получили, но ее не обрабатывали, сдавали: это тогда называлось «испол». Надо сказать, люди истосковались за время войны по работе. Были, конечно, и те, кто начал пьянствовать или заниматься грабежом, но основная масса пошла работать. Так и после Великой Отечественной войны было...

Все фабрики были национализированы, все были переданы в руки народа. Мой дядя, матрос с крейсера «Аскольд» и коммунист с 1915 года, был выбран директором кожзавода,

потому что он был честным, порядочным мужиком. В двадцатые годы бурно развилось предпринимательство, встали на ноги крепкие хозяева, которых потом стали называть «кулаками». Конечно, никакие это были не «кулаки», а самые работающие, одаренные люди. У них, как правило, была большая семья, по 10–15 человек детей, хорошее подворье, до десятка коров, 4–6 лошадей, свиньи. Мясо и зерно они продавали, деньги были, а если деньги есть, значит, строились. В деревнях их дома были самые мощные, красивые. Так и должно быть, потому что детей много, и нельзя жить в тесноте. При этом сами бытовые условия были крайне примитивными.

Вот взять нашу семью. Поначалу дом был крыт тесом, потом отец стал лучше зарабатывать и перекрыл крышу железом. При этом дома была убогая, примитивная, часто кустарная мебель: стол, стулья, лавки, голый пол, и никаких штор – только у людей с большим достатком на окнах висели занавески. Летом мы спали где придется – на сеновале, а то и просто на улице. Зимой младшие спали на полатах – на них не так жарко, как на печке. Мы, старшие, всегда спали на полу, вповалку, бросив какое-нибудь пальтишко под себя, другим накрывшись, положив валенок под голову. Одежда у нас была самая простая. Брат матери был портным, в нэп у них была своя мастерская, закройная и пошивочная. Она покупала материал, и нас обшивали ее родственники. Материал брали самый дешевенький, зато мы всегда были чисто и аккуратно одеты. Единственное, что я всегда был подвижным и шустрым, и мне одежды надолго не хватало. С обувью было трудней. Зимой валенки были одни на двоих: один гуляет, другой дома сидит, а начиная с весны и кончая осенью, мы бегали по улице босиком. В футбол играли тоже босиком. Пальцы себе разбивали. Настоящего-то мяча не было: сшивали камеру, тряпками набивали. Катится такой мяч плохо: ногой больше по земле попадаешь, чем по нему.

Помню, к 1 сентября мать собралась купить мне ботинки на осень. Я в это время прилично играл в футбол, поэтому умолял мать купить мне вместо ботинок бутсы (мы их называли «бутцы»). Мать упиралась, но устоять не смогла, сжалилась и купила бутсы. При этом она в сердцах бросила: «Ну и носи свои ботинки на шипах». Радости моей не было предела! Я берег это сокровище, ходил в бутсах всю осень в школу, играл в футбол, любовался, гордился ими и берег их как очень большую драгоценность. И потом, когда мои бутсы поистрепались, а шипы глубоко врезались в подошву, я продолжал терпеливо их носить.

Питались мы по-разному, в зависимости от времени года. Основная еда – овощи. Мясо было только осенью, когда шел забой скота. Мать ходила на рынок, выбирала, а дома делала пельмени. Делала она их много, замораживала, и потом по праздникам мы их ели. Это был самый большой деликатес. Правда, мука была черная, ржаная, но все равно пельмени были вкуснейшие. Самый тяжелый период – это, конечно, весна. Картошка на исходе, она уже теряет свои качества, хотя хранение было хорошо налажено, капуста тоже вялая становится – есть нечего. Как только сошел снег, начинается сбор трав – крапива шла вместо капусты. Из нее делали похлебку, замешивая с мукой. Потом ягоды пошли, грибы. Летом еда была более разнообразная, но не жирная. Фактически летом мы жили «на подножном корму», – только хлеб мать пекла. Ловили рыбу, а в 12 лет мне дядя подарил берданку 16-го калибра. Вместо дробы использовали рубленую проволоку, а вместо пороха – счищенную с головок спичек селитру. Ружье я потом продал, а на вырученные деньги купил в магазине краковскую колбасу – помню, как делил ее на кусочки, растянув удовольствие на несколько дней. Кстати сказать, в магазинах, кроме нее и некоторых консервов, тоже ничего не было. Чай мы пили то малиновый, то свекольный. Редко мать нарубит каждому по кусочку сахара, и мы пьем его вприкуску. Сахар был для нас редкость, а конфет мы вообще никаких не ели.

Пока было ружье, каждый выходной я ходил или на утку, или на зайцев. Зимой я всегда упряжку делал: с вечера ловил на рынке пару-тройку бездомных собак, а утром запрягу их, а свою собаку Грауса (помесь сеттера и лайки) ставлю сзади и на них натравливаю. Он за ними летит, они от него – и несут меня. Потом я их отпускаю, а он со мной ходит. Те собаки в

стороне, но нас сопровождают. Я как-то зайца подбил, мой бросился за ним, и эти голодные тоже. Поймали зайца и как начали его рвать! Я на лыжах за ними! Пока добежал, они зайца изодрали. Но я все равно его взял – семья у нас большая. Обрато меня уже только Граус тащит – тихонько, но тащит. Собака была исключительно сильная и умная. Два волка ее взять не могли! Дом-то был на окраине. Ночью просыпаемся от стука в дверь. Прислушались – визг собачьей драки. Отец пальцем оттаял немножко окно: «Волки!» Я схватил свою берданку, зарядил, отец схватил топор. Говорю: «Я крикну, потом открою дверь». Открыли – там два волка. Я выстрелил, они убежали в поле. У Грауса были порваны все уши, но взять они его не смогли!

Была у него такая привычка: он любил ногами на грудь встать и языком подбородок лизать. Я уже стал погуливать, это где-то в 9—10-м классах. Один раз познакомился с девчонкой, хорошая такая девчонка. Вижу, он выскакивает, а ночи у нас светлые. Я кричу: «Граус!»: а он ей лапы на плечи положил, и она испугалась страшно, потеряла сознание. Я ей по щекам, – отошла, выругала меня и убежала. Я ему говорю: «Что же ты делаешь, от меня отбиваешь девчонок? Что тебе, сук, что ли, не хватает?» Он чувствовал свою вину – все понимал, когда я с ним разговаривал! Я понимал собаку, и она меня понимала.

В 1928 году у отца появилась мысль построить кирпичную кузницу на два горна, чтобы нанять работников. Осенью 1929 года он закупил кирпич, а с лета – начал строительство. Я тогда любил подслушивать, как взрослые разговаривают, и вот как-то пришел дядя, тот, что был директором кожевенного завода. Он уже стал председателем райисполкома. Я залез на полати, а они сели на кухне: поставили бутылку водки и ведут разговор. Дядя рассказывает отцу: «Панка, сейчас начинаются новые времена. В деревнях будут раскулачивать и у частных отбирать все лишнее. Будут применять меры вплоть до ареста. Давай-ка ты бросай свою затею с кузницей, продавай все и уезжай». Отец так и сделал. Его позвали заведующим хозяйством на металлургический завод в Южнокамск – там было большое подсобное хозяйство. Дом заколотили и уехали. А вскоре частное предпринимательство прикрыли...

Переезд в Южнокамск тем не менее не спас отца от ареста. Там на него написали клязу, и его посадили. Мать осталась одна с 8 детьми в большой комнате, которую нам дал совхоз. Отца отправили в тюрьму в Оханск. Мы ездили, навещали его. Через четыре месяца отца вызвали: «Вот так, Павел Семенович, мы проверили все факты, факты не подтвердились. Это на вас был ложный донос. На человека, его написавшего, вы имеете право подать в суд, – и ему дадут 10 лет тюрьмы за ложное обвинение». Но отец был незлобивый, говорит: «Да нет, я подавать не буду, я с ним сам рассчитаюсь». – «Как хотите, это ваша воля, ваше желание». После этого мы вернулись домой в Осу. Расколотили дом и зажили на старом месте.

Коллективизация была, конечно же, огромной ошибкой. Самых работающих, самых способных, самых хороших людей арестовали, выселили. Их и надо было ставить бригадирами, чтобы они заставили работать остальных. Я помню голод 1933 года после раскулачивания... В нашей семье выжили все, но мои братья и сестры стали больными – питались суррогатными лепешками, которые делали из жмыха с добавлением муки. Эти лепешки, когда их ешь, раздрают горло – такие противные. Я наострился стрелять из рогатки и бить воробьев. Убил, выпотрошил, ошпарил, в печку бросил, они там пропекаются. Потом суну в карман – и хрущу. С костями их съедал, только ножки их не разжуешь. Весной грачей ловил и собирал грачиные яйца. Один раз мы ездили за мукой в Мордовию. Тогда одежды не было – люди любую дрянь брали. Вот мы собрали все, что можно, и повезли менять. Набрали 28 килограммов муки и поехали назад. По дороге ели как? Сядем, мать зачерпнет ключевой воды, несколько ложек муки бросит, размешает, и мы ложкой хлебаем. А уже дома она начинала не то чтобы хлеба печь (28 килограммов на всю семью – хватит, что ли?), а делала пироги с сушеной лебедой, без соли.

Нас спасло и то, что в самые тяжелые, неурожайные годы каждые весну и лето отец уезжал в село Крылово, где работал в колхозной кузнице. Вместе с отцом уезжала в Крылово вся наша семья. Отец работал здорово: за сутки мог заработать 14–16 трудодней, тогда как местный кузнец еле-еле 4. Пришлось директору повысить расценки и попросить отца работать поспокойнее. На трудодни выписывали муку, молоко, мясо. У нас был свой огород, мы рыбачили.

Мои братья, сестры не особенно стремились работать, а я всегда это делал с удовольствием. Все летние каникулы мне приходилось работать с отцом в кузнице. Он мне сделал облегченный молот и подставку, чтобы удобнее было работать у наковальни. Работал я и на прополке, но особенно мне нравился сенокос, весь пафос коллективного труда. Это надо было видеть! Молодые ребята, здоровые девчонки работали все вместе. На сенокос выходили чисто одетые: девчонки в платочках, напудренные, скрывали румянец, чтобы чистенькие были, беленькие. И что характерно: никто никогда не посягал на девичью честь. Потом знакомились, осенью женились. Особенно мне нравилось возить копна. Передок телеги снимается, рубятся молодые березки. Штук пять березок связывают и на них набрасывают копну: набросят, прижмут ее, и я везу к стогу сена. Там же большой сметанный омет³, и опытейшие колхозники уже знают, как укладывать: с тем чтобы, когда зимой верхний слой снимешь, там хорошее сено было. А если неправильно уложить, то сено погибнет. Я там косить научился. Идет человек 20–30: шутки, прибаутки. А когда обед, то вообще весело: анекдоты, подтрунивание. Веселый труд был! Все нарабotaются, устанут, после обеда два часа поспят – и опять до вечера. А вечером на лошадей, на телеги и уезжают. Успевали мы тут же в логах и на склонах гор собирать землянику и грибы, которых в ту пору было превеликое множество. Самым же большим удовольствием и радостью была река Тулва, где мы утром, редко в обед и больше вечером после работы плавали, дурачились, резвились, а при закате и восходе солнца удили рыбу и варили уху.

Возвращаясь потом в Осу, я так же работал с отцом в кузнице в утренние часы перед школой и в выходные дни. Школа была почти рядом с кузницей, и я шел на первый урок прямо с работы. Я учился в средней школе, где было пять 5-х классов, шесть 6-х, пять 7-х, четыре 8-х и два 10-х. Учились в две смены, и если возвращались ночью, то шли с фонариком, в который вставляли свечку.

В 5-м и 6-м классах мы учились вместе с детдомовцами: ух, мы и хулиганили! Сейчас, когда при мне детей ругают за плохое поведение, я думаю: а что же с нами тогда надо было делать? Скажем, у нас пришел учитель музыки. Ему сказали, что «класс очень тяжелый, разболтанный, вы с ним поосторожней». Но он сразу решил взять класс: «Дети, я вас научу музыке, вы будете знать ноты, великих композиторов!» Пока он распинался, у него раз – стащили скрипку. Он говорит: «Где скрипка, отдайте!» – а у него раз – смычок вытащили! Начали пикировать. Он бежит на звук, а в это время ее с одной парты на другую. Там опять – скрип-скрип. Пока он бегал, у него стащили журнал. Он сидит, плачет: «Дети, отдайте мне скрипку, поиграли и хватит!» Ну, ладно, отдали ему скрипку. Он выскочил из класса и больше к нам не приходил. Потом мы подбросили журнал, когда сами себе наставили оценки! Преподаватель истории говорит мне: «Слушай, когда я тебя три раза подряд спрашивал и три раза пятерки ставил?» – «Раз стоит «пять» – значит, вы меня спрашивали!» – «Да не спрашивал я тебя, что-то не помню. Ладно...» – и махнул рукой. Вот такие вещи мы делали!

До войны в школах очень хорошо была развита самодеятельность. Работали кружки: драматический, хоровой, акробатический и т. д. Каждый класс, во главе с классным руководителем, готовил свою программу, которая включала небольшие постановки, скетчи, художественное чтение, пляски, сольное и хоровое пение, акробатические этюды и т. д. Проводились школьные смотры художественной самодеятельности, лучшие номера отбирались и включались в общую самодеятельность, и с этими номерами ученики выступали на школьных вечерах.

³ Куча сена округлой формы. (Прим. ред.)

А классную самодеятельность каждый класс показывал ежедневно на сцене актового зала на большом перерыве, который длился 30 минут. Кто-то отдыхал, перекусывал, а на сцене в актовом зале шли представления: стихотворения, разные скетчи, постановочки маленькие делали. А руководил этим классный руководитель. Я принимал активное участие во всех видах самодеятельности. Тогда полная свобода была: мы читали, что хотели, и есенинские стихи читали, и песни его пели. В субботние вечера на колхозных лошадях в розвальнях мы ездили в близлежащие деревни Тишково, Устиново, Гамцы, Мозунино и на сцене убогих колхозных клубов давали представления. Конечно, у нас были примитивные, наивные детские номера, но ведь в деревнях и этого не было! Так что колхозники и мал, и стар шли в клуб, смотрели на нашу самодеятельность и даже аплодировали.

Второй голод был у нас в 1937 году, но не такой сильный. Тогда выдавали по две буханки хлеба на семью, мать их разрезала на 12 порций и, отдавая нам, приговаривала: «Хочешь ешь, хочешь пей, хочешь на другой день оставляй» – любила она присказки. Я сразу съедал. Приходилось ночами и зимой, и летом простаивать в очередях, а затем делить буханку хлеба по 200–400 г на едока на день.

В то время стала появляться «советская элита». В нашем городке это был директор МТС, директор кожевенного завода, директор мясокомбината. Эти люди могли «кормиться» от своей работы. Тогда же, на мой взгляд, начиналось зарождение взяточничества. С детей этих директоров мы брали «оброк»: он дома получит кусок хлеба, половину съест, а половину втихаря засунет в карман и нам тащит. Под угрозой, конечно: «Не дашь хлеба, мы тебя побьем!» Я уже писал, что мы учились и дружили с детдомовскими. Оттого-то наш класс и считался необузданным. В городе два лучших кирпичных дома отдали им, но воровская жизнь затягивает... Пошлют беспризорника в детдом, он проживет там месяц-полтора и убегает. Его опять ловят и опять в детдом. Для меня это было просто непонятно. Они жили в роскоши, которая мне не снилась! У каждого койка, нормальные одеяла, простыни, трехразовое питание. Мне в лучшем случае мать давала утром полстакана молока и небольшой кусок хлеба – и это на целый день. А им на большой перемене целые корзины бутербродов приносили. Они налетят, всех девок отталкивают, наберут хлеба, а на уроке друг в друга бросают, войну устраивают. Я их ругал: «Как же так?! У нас хлеба нет, а вы разбрасываете!» – «Так бери, если нет». Как только приносили, я туда тоже, вжик! Бутербродов нахватаю, в сумку – и сестренкам раздаю.

Несмотря на голод и наши проказы, учился я неплохо, не прикладывая при этом особых усилий. Думаю, мог быть и отличником, но не хотел, поскольку мы их презирали. Это были чуждые нашему буйному детству люди. Отличник всегда один, а мы все вместе бегали, прыгали.

Тогда же, пацаном, я сделал себе две наколки, включая медведя на ноге. Что сказать? Мы все вращались в блатном мире. У меня 66 братьев и двоюродных сестер, – и среди них всякие были: и порядочные люди, и уркаганы, и даже преступные авторитеты. Геннадий Брюхов, сын старшего брата моего отца Николая, приходился мне двоюродным братом. Когда ему было 23 года, у него уже было 38 лет тюремного срока, с побегами. Последний раз он где-то в 1939 году совершил побег и приехал к моему отцу. В семье все очень уважали моего отца, он пользовался большим авторитетом. Такой спокойный, уравновешенный, всегда придет на помощь. А ведь все знали, что мой двоюродный брат совершил побег, что его ищут. Мы с ним на сеновале спали, он мне о своей жизни рассказывал, и я тоже этой романтикой увлекся. Мы хотели банк ограбить! «Я с вами пойду». – «Пойдешь, пойдешь...» Мне сказали, что пойдут на дело, и я ночь не сплю, думаю: «Как только пойдут...» А потом просыпаюсь: я сплю, а его нет. Я потом только узнал, что он всех уркаганов предупредил: «Если только вы его тронете, если только куда-то возьмете, я вас из-под земли достану! Кого угодно берите, родня большая, но его не трогайте». Видимо, из уважения к моему отцу.

Я тогда сразу на рынок побежал, там все слухи. Банк у нас ограбили, а я так и не поучаствовал. И хорошо, а то тоже бы загремел! А их так и не поймали: у нас километрах в двадцати пристань Беляевка, они знали расписание, на лошадях туда махнули и уплыли. Ему опять 12 лет добавили. Только потом, в 1941 году, его взяли. Но когда создалось тяжелое положение с укомплектованием войск, из тюрьмы взяли всех уголовников (всех, кто получил до 10 лет) и направили в войска, в штрафные батальоны. Не брали только политических, репрессированных и совершивших особо тяжкие преступления. Он во время войны в двух штрафных батальонах воевал и остался жив. Вот когда он пришел с войны, после двух штрафных батальонов, после ранения, тогда он уgomонился: прекратил воровать, сел на машину и стал работать шофером. Он работал в совхозе, и, когда у их кассира вытащили сумку с деньгами, он нашел своих дружков, и все деньги вернули. Но все равно душа рвалась, стал он выпивать. Способный парень был, но непутевый...

Были у меня и другие такие двоюродные братья: по материнской линии, по отцовской сестре – Аркадий Вихорев, Колька Брюхов, еще Бочкарев, тоже с нашей родни. Когда мне было 15–16 лет, они все собирались от нашего дома в кварталчике, где была так называемая «малина». Девчонок водили, водку выпивали («Горный дубняк» была водка). Нам наливали граммов по 30, меня всегда оберегали, не давали: «Хватит, все». А сами хорошо гудели! Сначала кого-то побили, кого-то раздели, что-то украли. Им раз – три года дают, молодые. Они вышли, опять, – тут им добавили 10 лет. Потом побеги, и по нарастающей набралось очень много: за побег всегда 12 лет давали... Для нас, пацанов, это было очень интересно!

В последние два года перед войной жить стало намного легче. Голод отступил, магазины наполнились товарами. В деревнях на трудовень стали давать вдоволь продуктов. У нас появилось свободное время. По улицам, районам, кварталам города стихийно создавались ребячьи коллективы, где были свои футбольные, баскетбольные, волейбольные команды. В футбол играли все, от мала до велика. В городе был ряд спортивных обществ: «Спартак», «Пищевик», «Гороно», «Педучилище» и другие. Играли прилично! Были и свои кумиры, на которых ходили смотреть и которых мы, парнишки, и даже взрослые обожествляли, к кому относились с подчеркнутым уважением. Часто в Осу приезжали футбольные команды Перми, Свердловска, Челябинска, Краснокамска, Частых, Елово, Саракула, Оханска и других городов Пермской области. Довоенная сборная Осы играла успешно, выигрывая даже у Перми. Команда была сильная, и Оса пользовалась в области репутацией «футбольной Мекки». На стадионе всегда собиралось большое множество народу, каждый матч был событием, праздником горожан. Игроки выходили на игру, как на бой, и играли! Да как играли! Отдавали себя игре без остатка. К 1941 году подрос и я, стал играть за вторую команду «Спартак» правым полузащитником. Играл я прилично и к 1941 году стал капитаном второй команды «Спартак», завсегдатаем стадиона и своим человеком в спортивном мире Осы. В школе мы создали акробатическую группу: Коля Бобин – основа, Володя Драчев – низ, и я – верх. В основном мы придумывали и создавали пирамиды. Публике нравились наши выступления. Акробатика захватила меня: я прыгал, кувыркался, ходил на руках, жал стойки, где только мог. В нашей группе было 3 человека, но на стойку выходил я один, все восхищались.

Тогда спортивных залов, больших стадионов и дворцов спорта не было. У нас было единственное футбольное поле, одно на всех, – и 400 метров дорожка вокруг него. Была трасса, проложенная на 3, 5, 10 километров. Я любил бегать длинные дистанции, до 10 км, и на этих дистанциях часто побеждал своих сверстников. Но больше всего по душе мне были лыжи, которые я любил беззаветно. Мне доставляло огромное удовольствие мчаться с бешеной скоростью с гор или бежать по лыжне. Каждую субботу после уроков и в воскресенье с утра мы, ватага ребятишек, уходили на самодельных лыжах на «увалы» (это небольшие спуски за городом), на бульвар, а чаще всего на Монастырские горы. Здесь было раздолье, горы на любой выбор, и венцом спуска была Пугачевская гора. Лыжня прокладывалась по летней пешеходной

тропе, посредине нее стоял пенек, и в этом участке нужно было обязательно поднять правую ногу и проскочить на левой. Затем тебя выносило на берег Камы, ты совершал прыжок с обрыва и катил дальше по плотному снегу замерзшей реки. На этот спуск отваживались немногие: большинство начинали спуск от пенка.

Систематически занятия и хорошие природные данные, отменное здоровье, а также всестороннее физическое развитие стали выделять меня среди сверстников. Я побеждал на соревнованиях на первенство своего класса, на первенстве школы, а затем на первенстве города. В 1940 году я был чемпионом города, района, а в 1941 году и чемпионом области среди юношей, получив в Перми на этих соревнованиях 1-й спортивный разряд.

Лозунг «Готов к труду и обороне» был для нас «делом чести, совести и героизма», как у нас говорилось. С малолетства в дни призыва в армию мы крутились в городском военном комиссариате и смотрели, как проводится отбор в армию крепких и здоровых парней. Служба в РККА была в большом почете! Тех, кто отсеивался, называли «бракованными». Для них это было трагедией, а для родных позором. Девчонки неохотно с ними дружили и еще неохотнее шли за них замуж.

С большой радостью мы встречали демобилизованных из армии парней. Приходили они возмужавшие, пройдя хорошую школу физического и нравственного воспитания. После небольшого хмельного отдыха они мастерили примитивные спортивные снаряды и занимались физической зарядкой. Мы занимались вместе с ними, перенимая их сноровку. А после, когда они прекращали занятия, продолжали заниматься, усложняя и придумывая новые упражнения.

В городе был один кинотеатр. Пацанами мы каждый день ходили в кинотеатр. Билет стоил 5 копеек. Мы, человек 5–6, собирали по копейке и покупали один билет. Один с билетом проходил в зал и, как только начинался фильм, снимал крючок с двери, и мы врвались туда... Билетеры начинали нас ловить, какого-то поймают, какого-то нет, – а я был шустрее всех, меня реже ловили. К тому же народ все-таки нас поддерживал, прятал. За нами бегают, а зрители кричат: «Хватит, дайте кино смотреть! Фильм идет!» И они сдавались. Фильмы того периода: «Волга-Волга», «Маскарад», «Истребители», «Большая жизнь» – мы знали почти наизусть. Особое впечатление на нас произвел «Чапаев». Меня поразила его смелость, храбрость, я захотел быть Чапаевым и стал ему подражать. На каждой улице создавался отряд, и мы «воевали» самодельными деревянными шашками. Дрались, но был принцип: лежачего не бьют! Если кто-то допустит такое, это считалось большим позором – человек допустил бить слабого! Зимой снега надувало столько, что улицы были огорожены снежными заборами высотой примерно метра полтора-два. Расчищали только тропку от крыльца до дороги и по ней ходили. К весне снег так уминался, что по нему можно было спокойно ходить. В этих огромных сугробах мы рыли ходы сообщения, командные и наблюдательные пункты и воевали друг с другом.

С 5-го класса начиналось преподавание военного дела. Это был мой самый любимый предмет. По военному делу у меня в школе всегда чистые пятерки были и по физкультуре тоже. Математика мне легко давалась, литература. А вот остальные шалаяй-валяй: то учил, то не учил. Наш преподаватель военного дела служил раньше в армии, дослужился до лейтенанта и был уволен, и вот его сделали преподавателем. Он, конечно, мало что знал, мало что мог нам дать: разве что анекдоты нам рассказывал. Но у нас были малокалиберные винтовки, школьный тир. В старших классах преподаватель военного дела оставлял меня за старшего: все ключи мне отдавал, винтовки давал, и занятия в основном проводил я. Мы знали всю округу и выходили туда, где народу нет. В тире 25 метров максимум, а мы из малокалиберной винтовки уже стреляли на дальность 200–400 метров. Когда зима, он мне всю лыжную станцию отдавал: начнет занятия и смоемся. Тогда я забираю команду, и мы идем туда, куда нам хочется. Мы самостоятельно учились, но все умели на лыжах ходить прилично. Потом, когда я попал в лыжный истребительный батальон, меня там сразу сделали инструктором. Посмотрели, как я хожу на

лыжах, как лавирую среди деревьев, как прыгаю с трамплинов, и говорят: «Давай, ты у нас будешь инструктором». Потому что приходили люди, которые в 25–30 лет вставали на лыжи, и не так просто, не ради спортивного интереса! Их надо было учить, а подготовка месяц – и маршевая рота. А чему за месяц научишься?..

Очень мне нравилась строевая подготовка. Помню, летом проводим девчонок до дома, идем и отрабатываем приемы: направо, налево, кругом. Шли и командовали друг другу, а устав-то знали! Так что, когда я пришел в армию, для меня строевая подготовка была любимым предметом. Всегда, когда надо было показать, говорили: «Выходи, Брюхов, покажи». Физически и в военном плане я был готов к службе в армии. Поэтому, когда меня призвали, мне всегда было легко, я не испытывал никаких трудностей, сразу влился в армейскую жизнь и полюбил ее.

Помню, как пришли сообщения о начале боев на Халхин-Голе – это была удачная операция, ее рекламировали. Потом началась Финская война. Появились первые похоронки и слезы, прибыли раненные. Они рассказывали о тягестях войны, поругивали командиров. Начались разговоры о большой войне. Вырисовывался и противник – Германия. В начале 1941 года, и особенно в апреле – мае, о ней говорили вслух, знали, что войне быть, и только не знали, когда. Молодежь была настроена воинственно. Заканчивая школу, мы, три друга, – я, Коля Бабин и Володя Драчёв – твердо решили пойти в военные училища: я – в морское, они – в летное. Оба мои друга потом погибли на фронтах Великой Отечественной, но тогда мы самозабвенно пели: «Нас не трогай, мы не тронем, а коль тронешь, спуска не дадим...» В мае 1941 года к нам в город приехали двое осинцев, окончивших перед войной училище: Брюханов и Волошин. Перед убытием в часть они получили краткосрочный отпуск и заехали в родные края. Подтянутые, стройные, в новеньком обмундировании, затянутые ремнями, они выглядели превосходно. Мы смотрели на них с восхищением и завистью. Я к ним все время приставал с вопросами: «Расскажите, как там в армии?» А они мне: «Отстань, вот пойдешь в армию, там тебя всему научат». Единственное, что их всегда спрашивали: «Война будет?» – «Да, война будет скоро. Думаем, в середине июня». Но мы и так знали, что война будет скоро, потому что в 1941 году началась мобилизация, развертывание боевых частей. У нас забрали в школе очень многих преподавателей, которые окончили офицерские курсы. Многие попадали под призыв в возрасте где-то 34–35 лет. Новые преподаватели пришли из институтов, из училищ, а старших забрали для укомплектования войск, и у нас сразу резко сократилась учеба.

То, что война на пороге, понимали все, но подспудно думали, надеялись, авось пронесет. И все же начало ее оказалось неожиданным, оно потрясло всех... Тем более, еще раз напомним, перед войной мы стали жить лучше: появилось больше продуктов, в достатке было хлеба, в магазинах появились товары широкого потребления и тут – война!

В июне 1941 года мы сдавали школьные экзамены. Только тут я, Погорелов и Бабушкин сообразили, что немецкий мы не знаем. Мы собрались втроем, а я был среди них закоперщиком⁴, и думаем: «За пять лет учебы мы не выучили немецкий язык. Разве сможем его за 10 дней выучить? Нет! А если нет, так зачем нам его учить?» Тоже резон! Все сидят, корпят – немецкий хорошо никто не знал, потому что в классах с 5-го по 7-й нам прислали бывшего военнопленного, который до этого работал бухгалтером. Мы, конечно, его не слушали. Он был лысый, мы накрутим газетных трубочек и плюем газетным мякишем – кто сразу попадет. В старших классах пришла серьезная учительница. Кто постарательнее, тот начал учиться, но грамматику никто не знал, сразу ее не изучишь. Она нас спрашивала: «Как же воевать будете?» – «Мы с немцами разговаривать будем только на языке пуль и пулеметов! Других разговоров у нас не будет!» Она махнула рукой: «Как хотите. Ваше дело». Поскольку мне нравилось учить стихи, как на русском, так и на немецком, то, когда преподаватель спрашивал: «Кто выучил стихо-

⁴ То есть центровым (устар.). (Прим. ред.)

творение?», я сразу руку тянул. «Ну, давай». Я отчеканю. «Садись, «хорошо». Так я получил хорошую оценку и больше на занятия не ходил. Потом меня все-таки заставят, опять что-то спросят: «неуд.», «неуд.» и «хорошо», – в общем, тройка за четверть выходила. Вот таким образом я от четверти к четверти зарабатывал свои тройки.

Итак, решение мы приняли: не будем учить. А все учат, сидят. Мы приходим к ним: «Ну что? Занимаетесь?» – «Занимаемся». – «Вам надо заниматься было в школе, когда учились, а не сейчас!» – «А вы что не занимаетесь?» – «Мы знаем все!» – «А чего же вы с двойки на тройку перебивались?» – «Мы скрывали свои таланты! Вы увидите нас, как мы будем блистать». Всех мы так обошли, всем мешали. Не от желания им навредить, а просто так, от нечего делать. И многих мы убедили в том, что мы действительно знаем язык. И вот начались экзамены. Приехала московская комиссия. Завуч школы нас ободрила: «Не волнуйтесь, комиссия настроена хорошо... Кто желает первым?» Я протянул руку. Класс притих. «Второй?» Коля Бабушкин. «Третий?» Погорелов. Все недоумевают. Вытянули мы билеты, сели. Говорю: «У меня неясный вопрос!» – «Что неясного? Прочитать и пересказать». А я не знал слово «пересказать»! Мы сидим 30 минут, никто не идет. «Кто готов?» А Бабушкин Леха сидел с краю. «Товарищ Бабушкин, начинайте. Прочитать и пересказать». Прочитал кое-как. «Перескажите». – «Пересказать не могу». – «Разберите предложения». Не может. Больше ничего не знает. Раз – кол! Потом меня. Я пыжился, пыжился, кое-как прочитал, а пересказать своими словами тоже не могу. Разбирал, разбирал предложения, путался, а они терпели. «Ладно, следующее». Слова, какие выписал, пересказал. «А что же вы знаете?» – «Стихотворение!» Я рассказал стихотворение Гете. «Вот видите, стихотворения Вы знаете, а почему немецкий не учили?» Потом Погорелова. А тот возьми и скажи сразу: «А я-то читать не умею». – «Вы попытайтесь». Он попытался. «Ну, хватит. А пересказать?» – «Нет, не могу. Разобрать предложение, тоже не разберу». – «Что же Вы знаете?» – «Ничего не знаю». – «Идите». У них уже шок: «Что такое?! Первыми же лучшие выходят, знающие!» Комиссия не знает, что делать, делают перерыв. Что делать, если первые, самые лучшие вышли и не знают, что же знают остальные?! Собирают класс: «Товарищи, вы что-то волнуетесь. Вот первые три вышли, волнуются, не могут ничего сказать, произвели очень плохое впечатление. Давайте, не бойтесь. Соберитесь с мыслями». К остальным на фоне нашего ответа не придирались и поставили положительные оценки. Заканчиваются экзамены. Собирается весь класс. Объявляются оценки: «Бабушкин и Погорелов – двойки. На второй год. Брюхов – тройка». Эх, как они на меня обиделись, недели две-три со мной не разговаривали! Остальные экзамены я сдал нормально. В этом отношении я был подготовлен хорошо: математику, физику, историю не боялся сдавать.

Погорелов был с 1923 года и осенью ушел в армию. В 1941 году его взяли в пехоту, но он где-то проболтался и остался жив, войну закончил сержантом. Хотел очень в театральное училище пойти, и из него, может быть, артист бы и получился, но подготовка была слабая, так что его не взяли. Леха Бабушкин был призван после меня. У него было плохое зрение, он был признан негодным к строевой и направлен в политическое училище. После войны мы с ним встретились в Москве. Он говорит: «Хочу поступить в политакадемию, но по зрению не прохожу». – «Давай я за тебя пройду комиссию!» Я взял его документы (там фотографии не было) и прошел окулиста. Он поступил в политакадемию и позже стал генералом: при этом как ходил в очках, так и ходит!

Война

20 июня 1941 года в десятых классах прошли выпускные вечера, поэтому 21 июня, в субботу, мы ватагой – парни, девчата, – забрав нехитрую утварь и продукты, отправились на берег Тулвы для отдыха на два дня. Здесь мы ловили рыбу, варили уху, собирали землянику, играли в футбол, валялись на траве, уединялись в кустах и, боясь прикоснуться друг к другу, мечтали о будущем и фантазировали. Ночью мы не спали, а кто уснет, просыпается – он весь мазанный, хохот стоит. Или «гусара подставляли»: возьмем, вату подожжем и положим под нос спящему, – он, как дурной, вскакивает. И «велосипед» делали: он спит, мы ему между пальцами тонкие газетные бумажки вставим и подожжем. Он крутит ногами, вскакивает. Опять хохот! Возвращались усталые, а подходя к окраине города, слышим душераздирающий плач и крик. Все насторожились, вслух и мысленно задаем себе вопросы: «Что бы это могло значить, что случилось? Бьют, что ли, кого?» Прибавили шагу, пошли быстрее, и тут навстречу, пыля босыми ногами, бегут к нам ребяташки, изображая скачущих всадников – палка между ног, в руках лоза, направо-налево рубят воздух: «Война! Война началась!» Смех и шутки смолкли. Домой мы не шли, а бежали, на ходу бросив друг другу: «Пока...» Я прибежал, сразу мешок свой кинул – и бегом в военкомат. Прибегаю, а там уже больше половины нашего класса. Через час-полтора весь класс уже там...

Отец, как всегда, в выходной работал в кузнице, а мать с соседкой были дома и вполголоса с тревогой обсуждали новости о начале войны. У соседки Марии Козловой сын Николай служил на западной границе, она плакала и сквозь слезы высказывала опасения за судьбу сына. Как после узнали, он погиб героически в первые дни войны, так и не выпустив из рук пулемет. Смелый, лихой и бесшабашный был парень!

Моих друзей 23, 22 и 21-го годов рождения в первые же дни вызвали в райвоенкомат, вручили повестки и отправили кого в училище, кого для подготовки в маршевые роты в части действующей армии. А с 1924 года нас было трое, и нас не брали. Говорят: «Куда вы? Успеете!» Но в моем сознании твердо укрепилась мысль, что война будет недолгой. Слова песни «Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь, спуска не дадим» и заявление Наркома Ворошилова «...воевать будем только на чужой территории, свою хватит поливать кровью» сделали свое дело. Они укрепили мою веру в скорую победу, и я боялся опоздать. Юношеское воображение рисовало красочную картину боя, и я рвался на фронт: ежедневно ходил в военкомат и просил, чтобы меня призвали в армию. Работники военкомата были поопытнее, они посмеиваясь над моим нетерпением, успокаивали: «Подожди, и до тебя дойдет очередь. Успеешь и ты навоеваться». И они оказались правы. Успел, и еще как!..

В августе в Осу стали прибывать первые раненые и эвакуированные из Одессы, затем из Москвы и других западных городов. Наша школа была отдана под госпиталь. Наши войска, оказывая упорнейшее сопротивление оккупантам, с боями отходили, оставляя города... Война затягивалась. Каждый день из Осы уходили все новые и новые партии юношей и мужчин все более старших возрастов. Вызывали и моего отца, но оставили. Я околачивал ежедневно порог военкомата, но меня не брали, ссылаясь на непризывной возраст.

В те месяцы мужиков в деревне не стало, и вот нас вызвали в военкомат: «Не болтайте здесь, поезжайте в колхоз «Север». Вчетвером мы поехали на сенокос. Сначала косили крапиву. Жара! Косить не умеем – тупим косы о кочки. Стебельки ложатся, их надо резко подсекать. Выделили нам человека, который бы нам косы поправил, и мы чуть ли не каждые пять минут к нему бегали. Трудодень – 40 соток на человека, а мы четверо где-то 60 соток всего накосили. Бригадир пришел, в армию его не взяли, у него были физические недостатки. «Полезь от вас нуль. Что же с вами делать? Поставлю вас клевер косить». Ну, тут мы уже развернулись. Клевер невысокий, корень крепкий, и мы день хорошо отработали, дорвались

до работы так, что стерли себе подмышки. Нам замазали их йодом, и мы три дня ничего не делали. Бригадир опять говорит: «Что же с вами делать, вот работничков мне дали!» Подошла рожь. Нас на молотилку – возить зерно, носить мешки. Тут мы себя показали, и вот тут он расцвел: стал нам мясо давать, молоко, хлеб, а то ничего не давал. В сентябре 1941 года ему позвонили из военкомата: мне пришла повестка. Другие остались, а меня он снабдил продуктами, и я пришел домой с заработанными продуктами.

Дома меня вызвали в райком комсомола и предложили пойти добровольцем в лыжный истребительный батальон. Я загрустил: мне хотелось в военно-морское училище, но сказать об этом я не решился. Да и не принято было отказываться – война, люди шли туда, где были нужны. Мне и еще двоим ребятам дали предписание в Кунгур, где в 6-м запасном полку формировался лыжный истребительный батальон.

Лагерь еще только строился, и первые три месяца мы занимались в основном строительством – возводили военный городок, рассчитанный на стрелковую бригаду. Построили на весь личный состав полуземлянки, хозблок, столовую, склады, учебные классы. В жилых землянках построили двухэтажные нары, застелили их матрасами, набитыми соломой, поставили приспособленные из двухсотлитровых бочек печи. Поначалу жили по двенадцать человек в палатках, рассчитанных на четверых. В октябре пошли дожди, начались сильные заморозки, да и снежок иногда порошил. Спали не раздеваясь, прямо в ботинках с обмотками. Прижмемся друг к другу и теплом своих тел сушимся. Глядишь, к утру обсохнем. Вместо утренней зарядки старшина-хохол, жуткий службист, гонял нас в соседний лес таскать напиленные для строительства бревна. Причем по мере вырубki леса приходилось бегать все дальше и дальше. Когда через три недели нас первый раз повели за 10 километров в Кунгур в баню, снятые портянки просто расплзались в моих руках. Только согрелись, только оделись во все чистое, как пришлось обратно хлюпать по грязи те же 10 километров. Кормили нас так: на завтрак чай с куском хлеба, в обед постный борщ, на второе гречневая каша, а на ужин давали селедку и кусок хлеба граммов на 300. Мяса мы не видели. Но мне-то не привыкать – дома мясо на столе было только осенью и зимой. Подкармливались мы на колхозных картофельных полях. Приходили ночью к сторожу, копали картошку (люди тогда были сердобольные, никто нас не гонял) и пекли в углях. Работали на износ, молча – такое было напряжение. Когда приходила молодежь на пополнение, они сначала рвались таскать, балагурили, а потом все тише, тише и в конце концов замолкали. На что уж я был крепкий хлопец, и то под конец начал понимать, что долго я так не протяну. Многие заболели, их увозили в госпиталь, но я выдержал эти испытания.

Наконец строительные работы были закончены. Началась боевая и политическая подготовка – курс молодого красноармейца. Несколько часов строевой подготовки, тактика. Нас учили стрелять, мы очень тщательно изучали оружие – тренировались разбирать и собирать на время автоматы и винтовки. Все занятия проводились в городке и окрестностях, и только политзанятия шли два раза в неделю по два часа в теплых землянках. Больше всего мы любили их – можно было отогреться и чуть-чуть вздремнуть.

Несмотря на изматывающий труд, а потом и учебу, полуголодное существование и тяжелые известия с фронтов, паники не было. Настроение было одно – быстрее на фронт, воевать! Поэтому я к занятиям относился очень серьезно, и результаты не замедлили сказаться – командиры меня ставили в пример остальным солдатам. Старшие по возрасту ребята подшучивали над моей прытью, обвиняли в попытке выслужиться, угодить командирам, а мне просто нравилось постигать нелегкую солдатскую науку и хотелось воевать. Я не думал, что меня убьют: наоборот, мне казалось, что я неуязвим.

Наступила зима. Она была ранняя, морозная, и с ней начались занятия по лыжной подготовке, моя стихия. Я хорошо владел попеременным ходом, сдвоенным и даже коньковым, хотя для него не было трассы. Насыпанные из снега трамплины, с которых можно было прыгать на 3–5 метров, не представляли для меня сложности. Мои навыки лыжника заметили, и

вскоре я стал инструктором по лыжной подготовке у начальника физподготовки батальона. Я показывал, как надо между деревьями змейкой проходить, как прыгать с трамплина. Многим бойцам было под 40 лет, некоторые из них на лыжах плохо ходили, а тут прыгать... Не прыгнул – надо опять в гору забираться. Я отдохну, а они пока освоят, измотаются до предела...

В ноябре наш батальон отправили под Москву. Ехали больше молча. Люди были необстрелянные, нервничали. Все волновались, как сложится первый бой, переживут ли они его. Неизвестность угнетала. Отвлекались от этих мыслей пением песен, которые каждый тогда знал во множестве. Поезд шел без остановок – мы даже не останавливались для приема пищи, ели выданный на три дня сухой паек. К исходу второго дня пути мы поняли, что приближаемся к фронту – видны были сброшенные с пути разбитые и сгоревшие вагоны, разрушенные станционные строения. Неожиданно поезд остановился. Поступила команда: «Выходи строиться». Только мы успели выскочить из вагонов, как над нами на бреющем пронеслись два «Мессершмитта», поливая эшелон из пушек и пулеметов. Они развернулись и сделали второй заход, сбросив пару бомб. Одна из них разорвалась недалеко от меня, и я почувствовал боль в ноге и плече. Сделав еще один заход, самолеты улетели. Из соседних деревень на помощь к нам спешили колхозники на санях. Они помогли собрать убитых и раненых. Раненых, в том числе и меня, повезли на соседний разъезд, на котором стоял санитарный поезд. Там нас разместили по вагонам и повезли обратно на восток. Оказалось, что я был ранен осколками разорвавшейся бомбы: в правом коленном суставе торчал длинный тонкий кусок металла. Второй, маленький осколок, застрял в мягких тканях плеча. Подошел хирург, осмотрел раны:

– Ага! Ну что, батенька, осколок в вашем колене сидит не глубоко. Сейчас... мы его прихватим... и выдернем! – С этими словами он резко дернул. Я взревел от боли!

– Ну вот и все. Сейчас обрабатываем рану, перебинтуем. В руки клюшку⁵, и через две недели будете бегать. А вот с осколком в плече подумаем, что делать. Да, батенька, вы еще и контужены, у вас из носа кровь. Ну да ничего, контузия легкая.

Действительно, уже через неделю я ходил без палочки, а вот рана в плече долго не заживала, но и она через пару недель затянулась. Осколок оброс тканью и в дальнейшем мешал только упражнениям на брусьях.

Привезли нас в Пермь. В тамошнем госпитале я отдохнул, отогрелся, немного откормился. Вскоре в госпиталь пришел представитель военкомата. Вызвав меня, он спросил:

– Здоров?

– Так точно!

– Предлагаю пойти учиться в военно-морское авиационно-техническое училище. Согласен?

– Конечно! – Я от счастья чуть не подпрыгнул. Сбылась моя мечта служить на флоте! Наконец-то я надену морскую, красивую форму!

Начались занятия. Курсанты разместились по кубрикам на четыре человека. Ходили пока в армейской форме, но вскоре прошел слух: «К новому году наденем новую форму». Ну наконец-то, морскую! И каково было мое негодование, когда новая форма, выданная нам, осталась солдатской. Я был убит, раздавлен... Переживал я настолько сильно, что пошел к командирам, вплоть до начальника политотдела училища, жаловаться. Начальник принял меня в своем кабинете, выслушал:

– Ну далась тебе эта форма?! Носи эту, ты же ее не первый месяц носишь.

– Не хочу! Тогда отправьте меня в летное училище.

– Это с какой стати я тебя должен в летное отправлять?! Ты солдат! Где приказано, там и должен служить! – жестко сказал он.

Разумом я это понимал, но не сердцем.

⁵ Естественно, в те годы слово «клюшка» означало «палочка», «посох». (Прим. ред.)

– Тогда отправьте в любое командное училище! Пехотное, артиллерийское, танковое – все равно!

– Ну ты даешь! Послушай, авиационный инженер – это специальность, которая всегда в почете. На фронте ты будешь на обеспечении БАО, в 70—100 километрах от линии фронта, на летном пайке.

– Товарищ капитан 2 ранга, я не хочу жить вдали от фронта. Я хочу воевать. Я хочу быть командиром, – уговаривал я его.

Однако мои доводы не убедили кавторанга, и я вернулся в кубрик сникшим. Сокурсники смеялись:

– Дурак ты, дурак. Это лучшее училище. За три года получишь специальность, которая нужна и на фронте, и на гражданской. Не дури!

Но я не мог. Учиться я стал хуже, без желания. Через некоторое время меня вызвали к кавторангу.

– Что у тебя со слухом? – с ходу спросил он.

– Все в порядке, не жалуюсь. – удивился я.

– А вот главный инженер докладывает, что не можешь на слух определить изменение режима работы двигателя.

– Вот и отлично! – обрадовался я, – Товарищ капитан 2 ранга, отправьте меня в командное училище.

– Хорошо, раз настаиваешь...

Танкист

Вот уж взаправду не было бы счастья, да несчастье помогло! Мне выписали предписание в обловоенкомат, а оттуда направили в Сталинградское танковое училище. Я получил сухой паек на трое суток (полбуханки хлеба, кусок колбасы, банка тушенки), вещевого и продовольственного аттестаты и на перекладных поехал в Сталинград. Добрался я туда в Сталинград в июне 1942 года и в училище встретил осинцев Колю Бабина с Володиёй Драчевым. Позже к нам примкнули Петр Акатьев, Николай Половинкин, Бражкин. Всего в училище собралось нас одиннадцать осинцев. Все они потом погибли на фронте...

Немцы уже подходили к городу. На очередном построении училища, в разгар боев и бомбежек, его начальник генерал-майор Серков объявил нам решение Верховного Главнокомандования: «Эвакуировать училище в Курган, где развернуть учебно-материальную базу и, не прерывая учебного процесса, в ускоренном порядке готовить офицерские кадры, так необходимые фронту». Надо сказать, что среднего роста, сухощавый, подтянутый, немногословный, требовательный, но очень справедливый человек, генерал пользовался уважением курсантов и преподавателей училища. Он встретил войну у границы и был тяжело ранен, лишившись в этих первых боях руки.

Личный состав училища убыл, а группа курсантов во главе с капитаном Гужвой, могучим, моложавым офицером лет тридцати, осталась упаковывать и отправлять материальную часть училища. Покидали мы горящий город ночью, на чудом выбитом для эвакуации училища пароме. На противоположном берегу все погрузились в эшелон и под бомбежкой отбыли в Курган. Только на пятые сутки мы прибыли на место. Разгружались недалеко от города, тут же оборудуя танковый полигон училища. Жили в школе, спали прямо в классах. Помню, директор школы, женщина лет 40–45 (она тогда нам казалась старухой), относилась к нам, как мать. Запомнилось, как она угощала нас подмерзшей сладковатой картошкой, которую мы пекли в школьной печке. Мы же делились с ней сухим пайком. Когда мы уезжали в Курган на учебу, она нас трогательно проводила, пожелав дожить до победы...

На берегу реки Тобол стояла церковь, которую приспособили для столовой, а рядом несколько зданий оборудовали под казармы и классы. Ко времени моего прибытия моя рота уже занималась месяц или полтора. Пришлось догонять. Для меня это было не сложно – десять классов школы позволяли легко осваивать программу училища. Занимались мы по 12 часов в сутки: 8 часов плановых занятий и 4 часа самоподготовки под руководством командира взвода лейтенанта Пашкевича. Ему было под 40 лет, это был среднего роста, крепкий, умный, рассудительный, строгий и душевный человек. Он как никто умел «говорить с нами молча», и мы его понимали.

Как сейчас помню старшину нашей роты Толошного – педанта и въедливого служаку. Мы его очень боялись. Вот такой пример, характеризующий его. У нас в группе учился курсант Уманский. Как-то зимой, под Новый год, он приболел – простудился. Сходил в санчасть, где ему дали справку, что он освобожден от физических занятий и от работ на воздухе. Он надел шинель и вышел из казармы на улицу. Подходит Толошный:

– Уманский, почему не в строю?!

– Товарищ старшина, я освобожден.

– Где твое освобождение? – Он дает.

– Освобожден от занятий и работ на воздухе... – читает Толошный. – А «от физзарядки» не написано! Снимай шинель, и в строй!

Вот так лечились. Иногда в кино показывают, как курсанты ходили в самоволку, вечерами были танцы, к девчонкам ходили... Какие женщины?! Мы еле ноги волочили! Кормили просто ужасно! Утром суп, в обед суп и пшенная каша, а вечером опять суп. Что такое суп?

Крупы в воду побросают, есть нечего, только пьешь. Сейчас даже в тюрьме, наверное, сытнее дают. Стали делать так – ужинать по очереди. Сегодня я иду на ужин, завтра ты. Из кружки, в которую наливали суп, жидкость сливали, а бурду, которая остается, ели с куском хлеба. Хлебом этот плотный, как коврижка, брикет граммов на 250, который был нам положен, можно было назвать только условно – чего только в нем не было намешано. Отощали мы страшно. На второй этаж казармы поднимаешься – и сил нет. Как я уже говорил, в училище было одиннадцать человек осинцев, разбросанных по разным ротам. Вместе с Колей Бабиным мы создали группу акробатики, как в школе. И вот я стойку выжму, а у меня искры в глазах, чуть сознание не теряю... Писали жалобы, приезжала комиссия из Уральского округа. В класс, где сидела наша рота, вошел генерал в сопровождении нескольких офицеров. Окинув нас взглядом, он остановился на мне: «Вы говорите, питание плохое? Вон какой мальчик сидит, по нему и не скажешь, что он недоедает». Как же мне было обидно! Комиссия уехала, и в нашем существовании мало что изменилось.

Все разговоры были только о еде. Один из таких разговоров прервал Петраковский – самый старший из нас, курсантов:

– Ребята, ну что мы все о еде да о еде говорим. Давайте расскажу, как я женился?

Все хором закричали:

– Давай, давай. Рассказывай!

– Ну, тогда слушайте. Я учился на первом курсе геолого-разведывательного института и познакомился с однокурсницей. Она была очень красивая, стройная, с русыми длинными волосами. Одевалась очень хорошо, выделяясь среди студенческой братии. Родители ее были инженерами, хорошо зарабатывали. Девочка нравилась многим, но почему-то выбрала меня. Почему – сказать не могу, но она согласилась на первое же мое предложение пойти в кино. Как сейчас помню, шла «Большая жизнь» с Алейниковым и Андреевым. Я изловчился, достал билеты, и мы с удовольствием посмотрели картину. Так завязалось наше знакомство. Ходили в кино, в оперу, гуляли. Потом я познакомился с ее родителями, и мы решили пожениться. Родители дали согласие.

Все внимательно слушали, лишь изредка перебивая рассказ язвительными вопросами, но Петраковский не удосуживался отвечать на остроты.

– Свадьбу справляли в ресторане. Играл оркестр. На столе стояли... – Дальше шло подробное, в деталях, перечисление всех блюд, что стояли на столе и подавались официантами. Каждый словно присутствовал там, вдыхал этот аромат. Животы подвело, а Петраковский, словно забыв о нас, все продолжал и продолжал живописать свадебный стол:

– И вот принесли на больших серебряных подносах двух молочных, зажаренных с хрустящей корочкой поросят, обложенных яблоками и зеленью...

В этот момент кто-то резко встал. Петраковский увидел курсанта Квитчука, его безумные глаза и гаркнул:

– Товарищ Квитчук, что бы вы сделали с этими поросятами?!

Квитчук аж подпрыгнул и диким голосом закричал:

– Я би его съив! Я би его съив! – Он упал на стол, его трясло, но он продолжал кричать: – Я би его съив! Я би его съив! – а затем замолк, но его продолжало трясти. Прибежала вызванная медсестра, дала понюхать нашатырь, сделала укол. Он успокоился, его отнесли на нары, и там он уснул мертвецким сном. Все были напуганы. На следующий день Квитчука отправили в лазарет, где он провалялся около недели, а Петраковскому мы объявили бойкот и не разговаривали с ним.

Чтобы хоть как-то подкормиться, приходилось идти на воровство. В подвальном помещении казармы находился овощной склад. Нашли мы способ, как туда пролезть, – втихаря сняли доску с пола казармы и спустили меня вниз на веревке. Я набрал два котелка кормовой свеклы. Она такая противная, но есть-то хочется! Разок мы так сделали, но потом отказались

– подсудное дело. Рядом с училищем, отделенный от него трехметровым забором с колючей проволокой наверху, стоял хлебозавод. Бывало, после занятий уткнемся в окно, смотрим, как хлеб пекут, – аж слюни текут. Собралось нас трое, решили залезть туда. Перебросили меня через забор, я смешался с солдатами, приехавшими из разных частей получать хлеб, и буханок пять перекинул нашим на территорию училища. Надо обратно возвращаться, а как? Забор-то я не перелезу. Сел в машину с солдатами и вылез у ворот училища. Подхожу к КПП.

– Кто такой?

Спасло меня то, что я был связным командира взвода лейтенанта Маскевича.

– Я связной командира взвода Маскевича. Он меня вызывал.

– Сейчас проверим.

Набирает номер командира:

– Лейтенант Маскевич, курсант Брюхов ваш связной?

– Да.

– Проходи!

Если бы он спросил: «Вы его вызывали?», то мне бы хана. Я вернулся в казарму и говорю: «Нет, братцы, больше не пойду. Нас застукают». Рядом с нами спал курсант, имя которого я не хочу называть. Он услышал, что мы разговариваем, и начал нас шантажировать: «Вы своровали хлеб, если не поделитесь, я доложу!» Пришлось дать ему граммов 600–800. Он его сразу съел, но, поскольку был истощен, к утру у него случился заворот кишок. Его увезли в госпиталь. Труханули мы крепко, но нас никто не тронул. Или он сдержал слово и не выдал, или просто помер до того, как его успели допросить...

Курсанты ежемесячно получали 40 рублей. После получки, в воскресенье, я ходил на рынок, покупал на эти деньги килограмм моркови и тут же ее съедал: принесешь в казарму – надо делиться. Конечно, можно было написать родным, чтобы прислали посылку, но я понимал, что дома семья большая, они не могут помочь. Так что я писал, что питание хорошее, мне ничего не нужно. А многие не выдерживали, просили прислать. Придет такому посылка, он ее откроет и ест под одеялом, чтобы ни с кем не делиться. Конечно, это плохо, но как ты осудишь голодного за желание немножко растянуть ощущение сытости? Однако, несмотря на голод, воровства друг у друга не было.

После победы под Сталинградом поступило распоряжение создать агитбригады лыжников и пройти по близлежащим деревням, провести разъяснительную работу. Генерал Серков поручил сформировать агитбригаду лейтенанту Федорову (начальнику физподготовки училища) и начальнику политотдела. Нам объявили, что готовится лыжный агитпробег Курган – Свердловск. Его участникам будет положено усиленное питание. Это словосочетание «усиленное питание» подействовало магически. Все вдруг стали лыжниками и заядлыми походниками, и, когда начался отбор, перед кабинетом собралась толпа желающих. В свою очередь, зашел и я. Вид мой был жалок: рост 163 сантиметра, на ногах сапоги на четыре размера больше, на голове сидящая как колпак шапка на два размера больше, специально выбранная мною так, чтобы прикрывала отмороженные на соревнованиях уши. Лейтенант жалостливо меня осмотрел:

– Слушай, сынок, ты же ребенок! Ну какой ты лыжник?

– Я был чемпионом района. У меня 1-й разряд по лыжам, – умоляюще сказал я.

– Какой из тебя чемпион?!

– У меня свидетельство есть! – Я показал свой лыжный билет, оформлявшийся участникам соревнований.

– Ну, ладно. – Лейтенант скептически посмотрел бумажку и, видимо, не поверил. – Приходи завтра. Посмотрим, какой из тебя лыжник.

Так я попал в число 20 кандидатов, среди которых он должен был выбрать 10 человек. Отбирать их он решил не мудрствуя лукаво: в деревне, примерно в десяти километрах от училища, у него жила знакомая, так что маршрут был проложен через ее дом. Пошли. Группа тут

же растянулась, а я все за ним держусь. У меня уже сил нет, но я думаю: «Упаду, но не сдамся, продержусь» – ведь наградой было усиленное питание. К дому мы так и подошли вдвоем. Только тут он понял, что, кроме меня, больше никого нет. Завел меня к своей Марфуше: «Ты, давай посиди здесь, а я пойду курсантов собирать. Если меня не будет, возвращайся обратно». Подруга его меня накормила, и я тут же уснул замертво. Проспал часа три. Просыпаюсь: «Лейтенант был?» – «Нет, не был». – «Три часа нет, значит, что-то случилось». Я поковылял в училище, преодолевая боль в мышцах. Остальных всю ночь собирали по деревням вдоль дороги: хорошо колхоз помог, дал лошадь с розвальнями. Только к утру всех привезли в училище, но мало кто из них мог двигаться самостоятельно – так болели ноги.

Доложили начальнику училища. Генерал вызвал физрука, отчитал его. Тот пытался оправдаться, но как?! Через пять дней бригада должна выступать, а столько бойцов лежит, встать не может. Собрали спортсовет физкультурников училища. Физрук сидел, понурился. Конечно, он был виноват. Разве можно было на пробный пробег посылать слабо подготовленных курсантов, измученных голодом и непрерывными занятиями? Притом, как уже потом выяснилось, никто из них не совершал лыжных переходов, и только некоторые участвовали в беге на 5—10 километров! Выплеснув свой гнев, генерал Серков спросил:

– Что будем делать?

Все молчали.

– Товарищ генерал, – поднялся я. – В прошлом году я участвовал в лыжных переходах Оса – Кунгур и Пермь – Оса. Оба перехода были по длине чуть более ста километров. Я знаю особенности подготовки к таким переходам. Хотя у нас всего пять дней на подготовку и вечерашний переход загнал курсантов, как лошадей, я могу подготовить команду, которая справится с агитационным походом.

Далее я изложил подробный план мероприятий по подготовке и план похода:

– Я поведу колонну и буду корректировать темп движения. Если все будут идти ровно, я буду прибавлять, будут рассыпаться – снижу. Лейтенант Федоров пойдет замыкающим и будет подтягивать колонну. Кроме того, товарищ генерал, прошу из подсобного хозяйства выделить лошадь с розвальнями, в которых поедут замполит и санитарка. Туда же мы сложим вещмешки с пайком. Из Чашей лошадь с санитаркой вернется обратно, а для замполита мы транспорт найдем. Кроме того, прошу всех участников похода досыта кормить.

– Ну, Брюхов, – встал генерал, – картину ты нам нарисовал полную. Что ж? Думаю, другого выхода нет, как принять твое предложение. Ответственность за подготовку и проведение похода возлагаю на лейтенанта Федорова, вас и политрука Ворова.

Расходились довольные, даже физрук повеселел. Генерал Серков подозвал меня:

– Молодец, стратег из тебя будет, толковый офицер.

Я зарделся и не нашелся, что сказать в ответ.

Через пять дней тренировок, ранним хмурым утром, агитбригада вышла из ворот училища. Провожал нас генерал Серков, играл оркестр. За день мы прошли запланированные 40 километров, и до конечного пункта райцентра Чаши оставалось совсем чуть-чуть. Замполит говорит: «Я поеду вперед на лошади, организую вам встречу, а ты всех приведешь». – «Ладно». Он уехал. Уже подходим к Чаше, видны огоньки в домах, а сил идти у ребят больше нет. Все остановились и никуда идти не могут. Что же делать? И тут, – как это я догадался, сам не знаю, – я говорю: «Ладно, развязывайте мешки, съедим по бутерброду, подкрепимся, у нас будут силы на последний рывок. Осталось-то еще километр, может быть, два». А осталось километров пять. Все по бутерброду съели и воспряли духом. Пришли мы с опозданием часа на два, народ нас ждет, оркестр. Выступил секретарь комсомольской организации, поздравил нас. Затем выступал наш замполит, а нам бы уже только поспать. Закончилась официальная часть, секретарь говорит: «А теперь, девчонки, разбирайте курсантов, накормите хорошенько, пусть поспят и утром дальше пойдут». Меня выбрала симпатичная девчушка, подошла:

– Пойдемте к нам, мама будет очень рада. Она и пирогов напекла.

Я не стал отказываться, забрал лыжи и пошел за ней к дому. Оставил лыжи в сених, отряхнул снег, вошел в дом. Туту же меня окутало приятным теплом и запахом так любимых мной шанежек, которые мама пекла на праздники.

Даша, так звали мою хозяйку, сказала:

– Мама, принимай... – Лукаво скосилась на меня: – Жениха. Начальство приказало хорошо накормить и дать отдохнуть.

Мать засуетилась, собирая на стол, а мы сели на диван продолжить разговор. Но усталость и переход с мороза в тепло сделали свое дело, я уснул на полуслове. Проснулся раздетый в постели только в семь утра. Еще было темно. У кровати лежали постиранные и выглаженные майка, трусы, портянки. Я быстро оделся, умылся, позавтракал и пошел на сборный пункт. Больше я не видел Дашу и ее маму, но теплота той встречи так и осталась со мной на всю жизнь.

Пошли дальше – уже втянулись. Так нас принимали в каждом селе, в котором мы останавливались на ночлег. В Свердловск мы пришли даже немножко раньше, чем было условлено. Там мы отдохнули, выступили перед курсантами пехотного училища и после обеда пришли на вокзал, где нас ждал поезд на Курган. В училище нас встретили торжественно, вручили грамоты с благодарностью за поход.

Несколько слов об учебе. Как я уже писал, обучение было очень интенсивным. В основном внимание уделялось теории – материальной части танков БТ-5 и Т-34, тактике. Практическая стрельба была всего одна: я выпустил 3 снаряда и пулеметный диск. Учили нас немного вождению на БТ-5. Давали азы – с места трогаться, по прямой водить. Были занятия по тактике, но в основном «пешим по-танковому». И только под конец было показное занятие «танковый взвод в наступлении». Все!

После войны я посмотрел немецкий учебный комплекс в Австрии. Конечно, он был намного лучше. Например, у нас мишени для стрельбы из орудий были неподвижные, мишени для стрельбы из пулеметов – появляющиеся. Это значит, что в окоп, в котором сидит солдатик, проведен телефон, по которому ему командуют: «Показать! Опустить!» Положено, чтобы мишень появлялась на 5–6 секунд, а один дольше продержит, другой меньше. У немцев на полигоне была установлена система блоков, управляемая одним большим колесом, оперирующая и орудийными, и пулеметными мишенями. Колесо крутили руками, причем от скорости вращения этого колеса зависела продолжительность появления мишени. Немецкие танкисты были подготовлены лучше, и встречаться с ними в бою было очень опасно.

Когда нас выпускали, начальник училища сказал: «Ну, что же, сынки, мы понимаем, что вы программу быстро проскочили. Знаний у вас твердых нет, но в бою доучитесь». Самый же запоминающийся урок, который наложил отпечаток на всю мою дальнейшую службу, преподал мне майор Дроздов, который вел у нас тактику. Это был призванный из запаса офицер царской армии, и ему было тогда лет шестьдесят. Он так говорил: «Сынки, запомните святое правило. Его еще Суворов считал основным! Самое главное: перед боем и в бою заботьтесь о солдатах. Главное, чтобы он поел, был обут, одет, чтобы он отдохнул. Если вы это сделаете, то добьетесь в бою успеха. Не сделаете – не будет никакого успеха. Если он будет голодный, замерзший, то, когда вы поведете его в атаку, он не будет кричать «ура!», а будет еле ползти. Вы можете из Москвы, из ЦК вызывать лектора, который прочтет ему лекцию, как надо защищать Родину, поднимете в атаку, – но «ура!» он у вас кричать не будет. А вот если приедет безграмотный, может быть, с двумя-тремя классами образования повар, но с черпаком хорошего борща и каши, то после этого вы поднимете его в атаку, он будет за вами бежать, «ура!» кричать и добиваться успеха!» Из всего курса я только это и запомнил, но зато следовал этому правилу все время. Я всегда беспокоился не только о своем экипаже, но и о экипажах танков взвода. И солдаты платили мне тем же.

В феврале 1943 года приказали срочно отобрать 28 лучших курсантов, дать им два месяца на ускоренную подготовку и выпустить. В училище я прибыл на полтора месяца позже, а выпустили меня на полтора месяца раньше: так что всего-то три месяца я учился. Кстати, один из отобранных не сдал выпускные экзамены, хотя был дипломированный инженер. Мы тогда подумали: «Вот не повезло человеку!» Наивные! Ему было 33 или 34 года, семья, двое детей, и на фронт ему совершенно не хотелось.

Сразу после выпуска генерал-майор Серков вызвал меня к себе в кабинет. Я заволновался. Капитан Гужва, похлопав меня по плечу, успокоил: «Иди, генерал вызывает, дельное предложение тебе сделает. Соглашайся». Что за дельное предложение, я не мог представить и с большой робостью и, затаив дыхание, вошел в кабинет генерала. Он вышел из-за стола навстречу, усадил на стул, сам сел напротив и стал рассказывать мне про обстановку на фронте, сказал, что хребет гитлеровской машине надломлен и победа будет за нами. Что ж, я в этом тоже не сомневался.

– Слушай, Брюхов, – продолжил он. – Ты еще сопляк, ну какой из тебя командир? Оставайся в училище воспитывать курсантов. Тебя хвалят командир взвода, командир роты. Ты спортсмен хороший. Оставайся!

Я обомлел:

– Товарищ генерал, я хочу на фронт, хочу воевать, ведь война скоро закончится, а я на фронт не попаду, как я буду смотреть людям в глаза? – В горле появился комок, и на глаза невольно навернулись слезы.

– Сынок, ну какой скоро?! Война еще будет идти не один год, ты еще успеешь навоеваться.

– Нет, я хочу сейчас.

Генерал задумался, долго молчал, а потом заговорил:

– Кто же будет учить? Я тоже хочу на фронт.

– Вы же воевали, руку потеряли, а я еще ничего не сделал. Я вас очень прошу, отправьте меня. У нас есть в отделении два сержанта, Кочнев и Лобанов, которые были на фронте с первых дней войны и прибыли по ранению. Вот их и оставьте, – взмолился я.

Глядя на мое убитое настроение, он сжалился:

– Ладно, пригласи их ко мне.

Я несказанно обрадовался, засиял и неокрепшим командирским голосом гаркнул:

– Есть! Разрешите идти?!

– Что это ты так спешишь, лейтенант? – сказал генерал Серков, а затем посмотрел еще раз внимательно на меня, покачал головой и сказал: – Идите!

Я приложил руку к головному убору, ответил: «Есть!», четко повернулся и вышел из кабинета. Выяснилось, что названные мной сержанты – на полигоне. Двенадцать километров до него я пробежал на одном дыхании: «Вас срочно вызывает начальник училища!» На попутке мы вернулись в училище. Генерал вызвал Кочнева, и тот, не раздумывая, согласился, а Лобанов он уже не стал вызывать.

После войны мы случайно встретились с Кочневым в ресторане в Челябинске. Я его узнал, подошел, пригласил к нам за стол, но он, посмотрев на мои ордена, как-то сник, свернулся и быстро смотался. А тогда, надев гимнастерку с двумя кубиками в петлицах, я отправился в Челябинск в 7-й запасной учебный танковый полк. Офицерское общежитие располагалось в актовом зале школы, в котором стояло около тридцати кроватей. Кормили нас по карточкам в офицерской столовой. Кто не хотел, тот брал сухим пайком на продпункте. За исключением непродолжительных занятий, мы были предоставлены сами себе. Кто постарше, те ходили к женщинам. Заводилой был лейтенант Вася Естафьев: среднего роста, широкоплечий, про таких говорят: «Косая сажень в плечах». Он был с 20-го года, тракторист, перед войной отслужил срочную, экстерном окончил танковое училище. Как-то он подошел ко мне:

– Пойдем к бабам. У меня есть две знакомые девахи. Одна тебе, одна мне. Только ты знаешь, моя во время этого дела кусается. Мне в прошлый раз чуть ухо не откусила, но я ее сегодня отучу!

– Ладно, пойдем. – Мне, естественно, было интересно.

Встретили нас хорошо, стол накрыли, потом мы разошлись по комнатам. Честно говоря, у меня ничего не получилось. Вдруг из другой комнаты раздается женский рев и хохот. Мы выскакиваем, смотрим, а у хозяйки кровь идет изо рта. Вася хохочет. Она на нас: «Вон отсюда!» Я сначала не понял, что произошло, но мы быстрее оделись – и на улицу.

– Вась, что у вас там произошло? – спросил я его.

– Я же тебе говорил, что отучу ее. Ну и когда она укусить хотела, я ей в зубы кресало вставил! – потешался он.

– Ну ты и негодяй! – возмутился я. – Она, наверное, зуб поломала!

– Ничего, пусть знает!

Этот случай произвел на меня удручающее впечатление, и больше я «в гости» не ходил.

Помню, как я лежал на койке расстроенный: в отделе кадров сказали, что формирование отдельного Уральского добровольческого танкового корпуса закончено. Поэтому мой рапорт с просьбой о направлении в Пермскую бригаду остался без удовлетворения, а мне так хотелось воевать вместе с земляками! В это время в комнату вошел стройный, подтянутый лейтенант примерно моего роста. Форма была подогнана по фигуре, выющийся светло-русый чуб торчал из-под заломленной на голове пилотки. Выражение глаз, улыбка на лице сразу вызвали мое ответное расположение к нему. Я немного привстал. Уловив это движение, он подошел, подал руку:

– Максимов, Николай.

– Брюхов, Василий, – представился я, сев на край койки.

– А где братва? – оглядывая пустые, помятые койки, спросил Николай.

– Ушли кто куда. Челябинск большой, места для прогулок хватает, – нехотя ответил я.

– А ты что киснешь? – спросил он с участием.

– Да так, не хочется. Я лучше книжки читаю – библиотека тут отличная. Надоело здесь болтаться без дела. Хотел вместе с земляками воевать – не получилось. Так, глядишь, и война закончится, пока мы тут в тылу штаны просиживаем.

– Ну, ты и чудака, – рассмеялся Коля. – Война в самом разгаре. Не горюй, на нашу долю боев хватит. Я в штабе слышал, что заварушка под Курском готовится. Вот туда нам с тобой и нужно попасть. – Он легко перешел на «ты».

На другой день во время занятий в класс вошел начальник штаба полка, а с ним представитель Кировского танкового завода. Мы встали. Начальник штаба пригласил всех сесть и предоставил слово представителю. Тот, сняв фуражку, тихим голосом заговорил:

– Товарищи командиры, обстановку на фронте и в тылу вы знаете. Фашистов нужно бить и гнать с нашей земли как можно быстрее, а для этого нужно оружие, танки. Наш завод делает все возможное, чтобы дать вам больше танков, но у нас не хватает людей. Нам нужны рабочие руки хоть на месяц, хоть на неделю. Мы решили обратиться к вам за помощью.

Повисла минутная тишина. Я прикидывал, что могу делать на заводе – специальности-то у меня нет. Тут выступил Вася Естафьев:

– Н-е-ет! Это не для нас! Мы не сегодня-завтра получим танки и уйдем на фронт. Дайте нам погулять хоть несколько дней. Может, это последние деньки в нашей жизни?! – Он натянуто улыбнулся, обводя нас взглядом, ища поддержки.

Руку поднял Коля Максимов. Встав и, повернувшись к нам, твердо сказал:

– Братва, не слушайте этого пустозвона. Раз завод просит, нужно помочь. Я до армии слесарил и тут поработаю, – и, повернувшись к представителю завода, заявил: – Записывайте меня.

За ним записались я и еще несколько человек. Остальные так и не поддались уговорам. Представитель нас предупредил, что оплачивать труд он сможет только талонами на бесплатный обед. Мы не возражали.

Со следующего дня мы вышли на работу. Меня с Николаем поставили на расточку отверстий в блоке цилиндров двигателя. Он окончил ФЗО, был слесарем 4-го разряда. Наши станки-полуавтоматы стояли рядом, и он быстро помог мне освоить несложную операцию. Мне не составило больших усилий втянуться в работу, – я к этому был приучен с детства, – и через несколько дней выполнял и даже перевыполнял норму. На заводе кормили хорошо: на обед всегда была закусочка, суп или борщ и хорошая каша с небольшим количеством мяса. А у нас еще и офицерский паек!

Совместная работа нас еще больше сблизила. Я тянулся к нему – Николай, выросший в Москве, имел шарм городского парня, так привлекавший меня. Я «окал» по-деревенски, а у него был красивый язык с московским акцентом. Я старался перенимать его манеры, и это, видимо, нравилось ему. Вообще москвичи выгодно отличались от нас, деревенских, своим кругозором, образом мышления, знаниями, развитием. Они были более свободны в обращении с людьми. Все свободное время мы проводили вместе. Он рассказал, что жил на Арбате и там у него остались мать и сестра, которым он часто пишет. С детства Николай занимался верховой ездой в Манеже и безумно любит лошадей.

Работа на заводе продолжалась недолго, не больше недели. Получив приказ, мы явились в запасной танковый полк, где нам вручили новенькие, пахнущие свежей краской танки. Я принял взвод, а Коля – танк в моем взводе. Третьим танком командовал лейтенант Быков. Познакомились с экипажами. Механик-водитель по фамилии Рой, с 1904 года, был бывшим трактористом. Заряжающий Леоненко был с 1918 года, а радист – парнишка, как и я, с 1924 года, деревенский. Я не помню его фамилии, но хорошо запомнил, как мы хохотали, когда он рассказывал, как его женили перед войной. Родителей у него не было, жил он с бабкой. У соседки была дочь на несколько лет старше его. Бабка его все подстрекала: «Женись, она богатая, кормить тебя будет, а ты будешь помогать, работать». Уговорила, да и те были согласны – работник в доме нужен. Про свадьбу он рассказывал:

– Я сижу за столом рядом с невестой, на улице ребята бегают, а меня здесь держат. Я на улицу рвусь, а она вцепилась и не отпускает. Потом налили мне стопку вина, я выпил, опьянел. Она меня потащила в постель, мучалась, мучалась – ничего не получилось. Утром проснулась, а я от нее убежал к ребятишкам. Мы играем, но опять меня отловили. И так она со мной мучилась, а потом плюнула и оставила в покое...

Вот такой у меня был экипаж. Сформировали взвод, роту. Провели взводное, а затем и ротное учения. Совершили пятидесятикилометровый марш – и на погрузку. Надо сказать, что командовать у меня получалось, и получалось хорошо. Я и в детстве ребятишек организовывал, и здесь я с подчиненными быстро нашел общий язык. Почему я рвался быть командиром, – я понимал, что это мое призвание. Тут уже Коля Максимов сразу признал мое верховодство. Хоть мы и дружили, но субординацию соблюдали, и я не допускал фамильярности даже с его стороны.

В отличие от того эшелона, в котором я ехал на фронт два года назад, в этом царило приподнятое настроение. После победы под Москвой, а потом и под Сталинградом люди поверили, что мы не только сможем выстоять, но и победить.

Гнали нас по «зеленой улице», практически без остановок. В Куйбышеве эшелон остановился прямо на станции. Начальник станции предупредил, что стоять будем минут тридцать. Обед к эшелону не привезли, и начальник эшелона приказал построить людей и бегом отвести на обед в столовую. Прибежав в столовую, мы обнаружили, что столы не накрыты, только стоят бачки с кашей и борщом и нарезан хлеб. Я приказал набросать в котелки каши, взять хлеб и бежать обратно к эшелону. Бежим, на ходу заглатывая горячую перловку. Выскакиваем на

перрон – эшелона нет. Прибежав к начальнику вокзала, я выяснил, что поезд ушел на Сызрань. Пока связался с эшелоном, подошел порожняк. Начальник станции помог нам занять две теплушки, и мы поехали догонять свои танки. После сытного обеда, разморенные теплом июньского дня, под стук колес мы уснули. Проснулся я от наступившей тишины. Отодвинув дверь, я увидел, что поезд стоит на перегоне перед мостом через Волгу. Мимо шел железнодорожник. Окликнув его, я спросил, как нам перебраться на другую сторону. Он сказал, что сейчас туда пойдет пассажирский поезд, стоящий на параллельном пути. Растолкав ребят, я объяснил ситуацию, и мы попытались проникнуть в вагоны поезда, но ни один проводник дверь нам не открыл. Поезд тронулся, мы облепили подножки и поехали. Хоть и июнь, но обдувало нас сильно, холод собачий, того и гляди упадешь. Догнали! Приняли нас с распростертыми объятиями. На перекличке не досчитались троих, предупредили коменданта, по какому маршруту пойдем, погрузились в эшелон и поехали дальше. За Малым Ярославцем мы попали под бомбежку, но ни одна бомба в эшелон не попала – здорово маневрировал машинист поезда. Далее эшелон повернул на юг. Остановились на перегоне, поступила команда выгружаться. Разгрузочных площадок нет. Механики-водители, корежа платформы, разворачивали танки и фактически прыгали на грунт. Два танка перевернулись, но их быстро поставили на гусеницы. Нас уже ждал представитель 2-го танкового корпуса. Батальон совершил марш в район сосредоточения, где влился в состав 99-й бригады корпуса.

Фронт

Буквально через несколько дней после нашего прибытия началась Курская битва. Корпус находился во втором эшелоне. Первые бои были оборонительными и не отложились в моей памяти, слившись воедино с последовавшими за ними шестидневными боями. Где-то мы отбивались, отходили, потом вместе с пехотой контратаковали. Сейчас некоторые так здорово рассказывают, вспоминают названия населенных пунктов, где они воевали, что диву даешься. Откуда я помню эти населенные пункты?! Уже после войны, поездив по местам боев, я вспомнил эти Малые Маячки, совхоз им. Ворошилова. А в войну как я мог их запомнить?! Тебе ставят задачу: «Движение между ориентиром № 1 и ориентиром № 3», – и ты пошел. Движешься, ищешь цели, стреляешь, крутишься. Командир танка Т-34-76 работает, как циркач, – сам наводит, сам стреляет, командует заряжающим и механиком-водителем, по радио связывается с танками взвода. От него требуется полная концентрация всех сил, иначе на поле боя он не жилец. Поймал цель, механику на голову сапогом нажал – «Короткая!», один выстрел, второй, пушку бросаешь справа налево, кричишь: «Бронебойным! Осколочным!» В башне дышать нечем от пороховых газов. Мотор ревет – разрывов снарядов практически не слышно, а когда начинаешь вести стрельбу, то вообще перестаешь слышать, что снаружи творится. Только когда болванка попадет или осколочный снаряд на броне разорвется, тогда вспоминаешь, что по тебе тоже стреляют.

Пришлось мне участвовать в сражении под Прохоровкой 12 июля. К 5.00 мы доложили готовность к наступлению. Наша задача была поддержать ввод 18-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии и к середине дня выйти к Яковлево. Примерно в 5.30, опередив нас, авиация противника и артиллерия нанесли мощнейший удар по нашей 5-й общевойсковой армии, и немцы перешли в наступление. Части армии стали отходить. Примерно в 8.00 наша авиация и артиллерия нанесли ответный удар, но к этому времени рубежи ввода танковой армии были захвачены противником. Практически на месте нам пришлось разворачиваться из батальонных в ротные и взводные колонны. Наш батальон развертывался, имея на правом фланге реку Псёл. Левее нас разворачивалась 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса. Продвинувшись вперед, мы уперлись в глубокий лог, преградивший нам путь. Танки корпуса и нашего батальона стали смещаться влево к железной дороге. Боевые порядки нашей и 170-й бригады перемещались. Расстояние между танками, составлявшее вначале около 150 метров, сократилось до 10–20. Фактически с противником столкнулась неуправляемая масса танков. Мое участие в этом сражении продолжалось не более часа. Повернув влево в обход лога, мы нашли место, где можно было в него спуститься, еще немного прошли по его дну и решили выбираться на другую сторону. Взобравшись на другой его скат, я был поражен открывшейся картиной: горели хлеба, чуть вдалеке горели деревни, а начавшийся бой уже собирал свою жатву – горели танки, автомашины. Над полем стелились клубы дыма. Неожиданно я увидел, как из такого же оврага, находившегося примерно в 200 метрах от меня, выползает немецкий легкий танк Т-III. Сначала я даже растерялся – никак не ожидал увидеть противника так близко. Но я быстро пришел в себя, дал ему выбраться на открытое место и уничтожил первым же снарядом. Не прошло и нескольких минут, как откуда-то прилетел снаряд и, попав в борт, вырвал нам ленивец и первый каток. Танк остановился, слегка развернувшись. Мы выскочили, отползли в воронку, потом по промоинам стали выходить в тыл. Танки Быкова и Максимова прошли чуть дальше и тоже выбрались наверх. Их судьбу я узнал только вечером, когда добрался до армейского сборного пункта аварийных машин, куда оттянули мой танк. Там я встретил Колю. Мы обнялись и, получив по полному котелку каши, сели на землю. Он рассказал, что его танк подбили следом за моим. Все успели выскочить, а Быкову не повезло – танк сгорел вместе с экипажем.

Потери в этот день были огромные. Образовалось большое количество «безлошадных» танкистов, на которых танков не хватало, так что в дальнейших боях под Прохоровкой мы не участвовали. Однако долго болтаться в тылу нам не дали. Пришел приказ укомплектовать экипажи и передать в 1-й танковый корпус под командованием генерала Буткова⁶, который перебросили на Брянский фронт с задачей овладеть городом Орел. Мы с Колей упростили командование, чтобы нас не разлучали, а отправили вместе. Вот так мы оказались в первом батальоне 159-й танковой бригады этого корпуса.

Надо сказать, что в этих первых боях на Курской дуге мне еще казалось, что от моего участия зависит успех всей операции, что я один могу если и не победить немцев, то нанести им поражение. Такое было ощущение нереальности происходящего, какой-то игры!.. И только на Центральном фронте, после того как я сходил в разведку боем, я перестал «играть в войну» и стал относиться к ней как к тяжелой и опасной работе.

Мне сейчас сложно вспомнить название той деревни, за которую шел бой в сентябре 1943 года. Помню, что в течение дня мы несколько раз предпринимали атаки, несли потери, но прорвать немецкую оборону так и не смогли. Вечером приехал командир бригады. Ее остатки, а насчитывалось в ней теперь не более 12 танков, выстроились в лесу. Он коротко подвел итог неудачных боев, сказал, что мы не справляемся с поставленной задачей и что не этого ждут от нас Родина и партия. В заключение он обратился ко всему личному составу бригады:

– Требуется провести разведку боем в составе усиленного взвода. Я понимаю, что это труднейшая задача, поэтому прошу добровольцев сделать шаг вперед.

Я шагнул, не задумываясь. И тут в первый и последний раз в жизни я каким-то шестым чувством, спиной ощутил полный ненависти взгляд экипажа. Внутри все сжалось, но обратного пути уже не было.

Комбриг подошел, положил руку на плечо:

– Спасибо, сынок, садись в машину, и поедем на место, обсудим, как ты будешь атаковать.

По лесу мы проехали до рощи, что была на высотке, к КНП⁷ командира стрелкового полка. Чуть ниже в неглубоких окопах расположилась наша пехота, а в километре от нее, на окраине населенного пункта, виднелась оборона противника.

Подготовка не заняла много времени. Командиры указали направление движения и поставили задачу – на максимальной скорости врезаться в оборону противника и вскрыть его систему огня. Снаряды не жалеть. За ночь танки бригады заправили горючим, снарядами, и к утру они заняли исходные позиции. Танки моего взвода были развернуты на фронте около полутора километров. Танк Коли шел слева, а справа шел танк, имени командира которого я не помню.

Состояние перед атакой сложно передать словами. Страх, который подавлял бы мою волю, у меня не было, но я, конечно, понимал, что могу погибнуть. Эта мысль свербила в голове, и спрятаться от нее было невозможно.

Взвизывая красная ракета положила конец моим переживаниям. Крикнув механику-водителю: «Вперед!», я подался вперед к приборам наблюдения. Мы прошли жиденькую цепочку пехоты, которая должна была подняться за нами и сопровождать танки, и в это время открыла огонь наша артиллерия, накрыв немецкие позиции. Ответного огня пока не было.

Когда танки подошли к проходам в минных полях, подготовленных саперами, немцы открыли огонь. Пехота залегла. Мои танки слева и справа начали отставать, танк справа загорелся. Я вырвался вперед: естественно, почти весь огонь был сосредоточен на моем танке.

⁶ Генерал-лейтенант танковых войск Василий Васильевич Бутков, в оригинальном тексте автора – Будков. Интересно, что аналогичным образом оговорился и Маршал Советского Союза А.М. Василевский в книге «Дело всей жизни». (Прим. ред.)

⁷ Командно-наблюдательный пункт. (Прим. ред.)

Вдруг удар – искры, пламя, и неожиданно стало светло. Я подумал, что это люк заряжающего открылся. Кричу:

– Акулышин, закрой люк!

– Нет люка, сорвало!

Надо же было болванке попасть в проушину и сорвать люк! До противника оставалось метров двести, когда немецкий снаряд попал в лобовую броню танка. Машина остановилась, но не загорелась. После боя я увидел, что болванка, выпущенная практически в упор, пробила броню возле стрелка-радиста, убив его осколками, и ушла под люк механика, вырвав его. Ударом меня оглушило, и я упал на боеукладку. В это время второй снаряд пробил башню, убив заряжающего. Мое счастье, что я упал контуженный, а то мы бы вместе погибли. Пролежал я, видимо, недолго. Очнувшись, увидел механика, лежащего перед танком с разбитой головой. Так я и не понял: то ли он пытался выбраться и был убит миной, то ли был смертельно ранен в танке и последним усилием воли выбрался из танка. В своем кресле сидел убитый стрелок-радист, на боеукладке лежал мертвый заряжающий. Осмотрелся – кулиса сорвана и завалена осколками. Немцы уже не стреляют, видимо, решив, что танк уничтожен. Взявшись за свое сиденье, я осмотрел в панораму местность – два остальных танка взвода горели неподалеку. Я перебрался на место механика-водителя, завел танк сжатым воздухом, забил заднюю передачу и начал двигаться. Немцы открыли огонь и несколько болванок ударились о броню. Я прекратил движение, решив подождать начала наступления бригады. Вскоре наша артиллерия открыла огонь по выявленным огневым точкам, а затем в атаку пошли танки и пехота, которые выбили противника с его позиций. Когда вокруг стало тихо и я вылез из танка, ко мне подошли Коля и заряжающий сержант Леоненко с другого танка моего взвода – нас из взвода трое живых осталось. Леоненко матом на меня:

– Вот что, лейтенант, больше я с тобой воевать не буду! Ты только людей губишь! Пошел ты с твоими танками! Я тебя об одном прошу: скажи, что я пропал без вести.

– Прекрати дурака валять! – возразил я. – Вчера сколько мы танков потеряли впустую? А сегодня дали фрицам прикурить!

– Нет, я больше не хочу в этих коробках гореть. У меня есть водительские права. Я сейчас уйду в другую часть шофером.

– Ладно, иди куда хочешь.

Когда стали разбираться, кто погиб, и не нашли его тела, представитель СМЕРШа спросил меня, не видел ли я его. Я, как мы и договорились, сказал, что не видел, видимо, он пропал без вести... Вот после этого боя я по-настоящему стал воевать.

Чуть больше недели я пробыл в медсанвзводе бригады, поскольку контузило меня прилично, шла носом кровь, а потом перешел в резерв батальона. Но не успел я отдохнуть, как был назначен командиром взвода взамен погибшего. Коля принял танк в другом взводе. Опять бои. Сколько их было?! Все не упомнишь. Были удачные, были неудачные. День провоевали, остановились, привели технику в порядок, заправились ГСМ и снарядами, сами поели и спать. Утром опять пошли. Может быть, тебя подбили, – тогда пошел в резерв батальона. Потом получаешь новый танк с чужим экипажем. Вот так по кругу, пока в медсанбат не попадешь или не сгоришь.

Кстати, один раз я действительно чуть не сгорел. Где-то между Орлом и Брянском мой танк подбили, и он вспыхнул. Я крикнул: «К машине!», схватился за край люка и резко подтянулся на руках. Однако фишка ТПУ⁸ была плотно вставлена в колодку, и, когда я оттолкнулся и полетел вверх, штекер не вышел из гнезда, и меня рвануло вниз на сиденье. Заряжающий выскочил через мой люк, а я уже за ним. Спас танкошлем – он плохо горит, поэтому обгорели только лицо и руки, но зато так, что все волдырями покрылось. Отправили меня в медсанбат,

⁸ Танкового переговорного устройства. (Прим. ред.)

ожоги смазали мазью, а на руки надели проволочные каркасы, чтобы кожу не царапать. В дальнейшем, когда прибывали новые экипажи, я заставлял всех разъемную колодку подчищать, чтобы она свободно отключалась.

Выскочить из горящего танка не так просто. Главное, не потерять самообладание. Температура в танке резко повышается, а если огонь тебя лизнул, тут уже полностью теряешь контроль над собой. Механику почему тяжело выскочить? Ему надо крюки снимать, открывать люк, а если он запаниковал или его огонь схватил, то уже все – никогда он не выскочит. Больше всего, конечно, гибли радисты. Они в самом невыгодном положении – слева механик, сзади заряжающий. Пока один из них дорогу не освободит, он вылезти не может. А счет-то на секунды идет! Так что выскакивает командир, выскакивает заряжающий, а остальным как повезет. Выскочил и кубарем катишься с танка. Я уже после войны задумался: «А как же так получается, что, когда ты выскакиваешь, ничего не соображаешь, вываливаешься из башни на крыло, с крыла на землю (а это все-таки полтора метра), никогда я не видел, чтобы кто-то руку или ногу сломал, чтобы ссадинки были?!»

Тяжелый бой был за станцию Брянск-товарная. Лил дождь. Мы с трудом форсировали какую-то речушку и ворвались на станцию, на которой стоял эшелон с подбитыми танками, которые немцы хотели отправить на переплавку. Не разобравшись, мы доложили, что захватили эшелон с танками. Нас потом здорово отругали! Освободив Брянск, мы пошли в преследование. Немцы отступали, оставляя легкие заслоны, сбивать которые не представляло большого труда. Уходя, они забирали с собой все молодое население оставляемых территорий и гнали его под охраной полицаев с собой. Не раз мы догоняли такие группы. Охрана, увидев танки, разбегалась в разные стороны. Освобожденные нами люди бросались к нам со слезами, плачем, радостью. В Новозыбкове мы освободили такую группу и остановились на ночлег все вместе в здании школы. Познакомились. Мне запомнилась Мария Барина из села Авдеевка. Ей было тогда 32 года, у нее было двое детей, с которыми она шла в изгнание. Вскоре на центральную площадь, где стояла виселица и раскачивалось несколько тел пожилых мужчин, повешенных немцами при отступлении, пришла толпа местных жителей. Впереди, со связанными за спиной руками, шел человек, лицо которого представляло сплошное кровавое месиво. Расспросив кого-то из собравшихся, мы выяснили, что это местный староста, ответственный за гибель в том числе и этих несчастных стариков. Тела повешенных сняли, а его казнили. Вернувшись в школу, мы с Марией накопили в огороде картошки и сварили ее на костре. Появился самогон. Я хоть и не любил пить, но выпил. Ночь мы с ней полюбезничали, я стал ее мужчиной, а утром команда: «Вперед!» Провожая меня, она говорила, чтобы я приезжал после войны: «У меня муж погиб. Приезжай, поженимся. У меня дом в Авдеевке есть, участок большой, хозяйство». Что я мог ответить? До конца войны еще надо было дожить. Да и разница в возрасте, хотя в танкошлеме, в комбинезоне, весь чумазый, я, наверное, выглядел лет на тридцать.

Остановился наш корпус на реке Сож. Немцы выстроили хорошую оборону, прорвать которую наш потрепанный корпус уже не мог. Все танки корпуса были сведены в 89-ю бригаду. Я был назначен командиром взвода в 203-й танковый батальон. В середине октября, совершив 150-километровый марш, бригада сосредоточилась в лесу северо-западнее города Унеча. Вскоре батальон погрузился в эшелон. Разгружались недалеко от Великих Лук на станции Великополье. Совершив короткий марш, сосредоточились в районе Липец. Осень 1943 года в средней полосе России выдалась дождливая. Низкие серые тучи висели над самой головой. Дороги превратились в грязевые потоки. Одежда на солдатах и офицерах почти не просыхала. В такую погоду накатывает состояние безысходности и желание залезть на хорошо протопленную русскую печь и уже никогда не спускаться с нее. В один из таких промозглых осенних дней меня вызвал к себе в землянку ротный.

– Брюхов, срочно к командиру батальона, – сообщил он мне.

– Зачем?

– У комбата узнаешь, – нехотя ответил ротный и наклонился над планшетом с картой, давая понять, что разговор окончен.

Пройдя немного по лесу, я разыскал комбата, сидевшего под навесом из танкового брезента.

– Товарищ капитан, – доложил я ему. – По вашему приказанию лейтенант Брюхов явился.

– А! Отлично. У зампохоза получишь сухой паек на сутки. Через полчаса в штаб тыла фронта идет «Студебеккер». На нем доедешь, найдешь прокуратуру и Военный трибунал. Доложишь им о прибытии, – комбат замолчал.

Вот это дела! От одного словосочетания «Военный трибунал» мурашки по коже. В голове сразу рой мыслей: «Зачем? Что я натворил? Может, что-то сказал? Вроде нет...» Мое состояние было написано на лице.

– Что, переживаешь? – мягко спросил комбат. – Не волнуйся. Меня просили подобрать молодого, уже побывавшего в боях, физически сильного, крепкого офицера. Вот я тебя и выбрал. А вот для чего такой человек им понадобился, я тебе не скажу. Узнаешь в трибунале.

Напряжение несколько спало, однако отсутствие ответа на вопрос «Зачем?» продолжало угнетать. Приказ есть приказ – я быстро получил сухой паек, закинул вещмешок за спину и с тяжелым сердцем уселся в кабину «Студебеккера». Не покидала тревожная мысль, что все это неспроста. Еще и еще раз я мысленно прокручивал события последних дней. Нет, вроде все в порядке. Проехав около двадцати километров по раскисшей дороге, машина остановилась в небольшой деревеньке. Водитель подсказал дом, в котором располагался трибунал. Там меня уже ждали. Я даже не успел доложить о прибытии, как находившийся в комнате подполковник перебил:

– Лейтенант Брюхов?

– Так точно!

– Мы тебя уже ждем. Тебе поручено сопровождать трех сержантов-танкистов, осужденных Военным трибуналом к шести месяцам штрафной роты, к месту их новой службы. Транспорта у нас нет, так что поведешь их пешком. Рота находится примерно в 120 километрах от нас. Думаю, за трое суток дойдете.

– Как же я буду сопровождать один троих? – с отчаянием в голосе спросил я.

– Вот так и будешь! – жестко ответил подполковник. – Получишь паек на четверых на трое суток. Вот карта. Штаб роты находится вот здесь, – он ткнул пальцем. – Найдешь командира, сдашь ему арестантов. Получишь справку и привезешь ее мне. Смотри, задание ответственное. Убегут – придется еще раз проделать тот же путь, но уже в другом качестве. Давай, действуй! – закончил он.

Взяв карту, я пошел на склад получать паек. В голове прикинул, как лучше выполнить задание. Решил, что самое сложное – это охрана осужденных ночью, но две ночи можно и не поспать. С этими мыслями я отправился в комнату приема знакомиться с моими «попутчиками». Конвой привел осужденных. Бросилось в глаза, что все они старше меня. Из их документов я уже знал их данные, знал, за что они были осуждены. Я решил, что правильнее будет наладить с ними человеческий контакт, чем строить из себя начальника. Для начала я выяснил, что все они еще довоенного призыва. Двое проживали в сельской местности, но по работе были связаны с механизмами – один работал шофером, другой трактористом. Третий был призван из районного центра, где работал молотобойцем в кузнице. Из них он вел себя наиболее раскованно, да и общность довоенного труда быстро сблизил нас. На вопрос о том, за что был осужден, ответил:

– Погорячившись, повздорил с таким же молоденьким, как и вы, лейтенантом. Ударил его, разбил нос. Меня скрутили. Дали десять лет с заменой шестью месяцами штрафной роты.

«Тракторист» воевал механиком-водителем с 41-го года. Когда его подразделение находилось в выжидательном районе, к его танку подошла молодая женщина, попросила солянки.

Он налил ей ведро и вызвался донести до дома, да так и остался у нее. Заснул, проснувшись ночью, побежал в расположение части, а танки ушли. Поскольку он никому не сказал, куда ушел, его не нашли, и за рычаги сел механик-водитель из резерва. Его обвинили в дезертирстве и осудили на десять лет с заменой шестью месяцами штрафной.

«Водитель» подвозил продукты и прихватил буханку хлеба и пару банок тушенки. Угостив одного солдата, он, видимо, сболтнул об этом, и тот его выдал. Его обвинили в хищении государственной собственности. Осудили на пять лет с заменой тремя месяцами штрафной.

Эти бесхитростные рассказы сняли камень с моей души – осужденные не были закоренелыми преступниками и попались по своей глупости. Я рассказал им, куда их веду, обозначил маршрут и определил время выхода. Также я предупредил, что убежать будет нетрудно, но смысла это не имеет, поскольку все равно поймают и расстреляют как дезертиров, сообщив об этом на родину. «Таким поступком покроете позором не только себя, но и всю родню, – сказал им я. – В штрафной же может и повезти – или ранят, или, может быть, представят к снятию судимости». К моему удивлению, меня выслушали внимательно, восприняв мои слова как должное. На этом я прервал свои наравоучения, понимая, что им и так тошно.

Распрощавшись с начальником караула, я построил осужденных и во главе их вышел под мелкий осенний дождик месить грязь фронтовых дорог. Идти было трудно. Дорога представляла собой две глубокие колеи, заполненные водой. Обочин как таковых не было. Через час пути я сделал привал и, посмотрев по карте, понял, что прошли мы 3–4 километра. Не густо! Таким темпом и четырех суток может не хватить, чтобы добраться до места. Могу ли я доверять этим трем людям? Хоть один убежит, и все! Мне придется отвечать. Я искал выход, но пока не находил.

Встали и пошли дальше. Мимо проехало несколько машин – кузова доверху загружены, в кабине одно-два места. Сесть в такую машину вчетвером невозможно. Медленно плетемся по грязи. Ноги разъезжаются, на сапоги налипают комья грязи, превращая отсыревшую обувь в неподъемные колодки.

Поздним вечером добираемся до небольшой деревушки. Постучали в один домик, нас пустили. Скинули обувь, у печки повесили сушиться портянки. Хозяйка нас ни о чем не спрашивала: видимо, за два года войны через их дом прошло столько солдат обеих армий, что им было совершенно все равно, кто мы и куда движемся. Устали мы настолько, что, не поужинав, улеглись на полу, и мои арестанты мгновенно уснули. Я же бдительно охранял их всю ночь, не сомкнув глаз. Утром, когда они проснулись и увидели, что я не сплю, «молотобоец» спросил:

– Ты че, лейтенант, так и не спал?

Я промолчал. Видимо, поняв, он буркнул:

– Ну и дурак. Куда мы денемся?

Я не хотел затевать этот разговор и наклонился к своему мешку, доставая продукты для завтрака. Хозяйка сварила чугунок мелкой картошки, и, плотно позавтракав, мы продолжили свой путь. Весь день я старался держать темп 4 километра в час, делая десятиминутный привал через каждые пятьдесят минут. Наручных часов у меня тогда не было, и я пользовался снятым с танка здоровым хронометром. Бессонная ночь давала о себе знать – на привалах я засыпал. Как мы ни старались, а прошли только 25 километров. Ночевали в деревне. Арестанты как легли, так и захрапели, а я опять сидел, охранял их. Глаза слипались, голова падала на грудь, но тут же я просыпался, проверял, на месте ли мои подопечные, и все повторялось заново. Утром «молотобоец» говорит:

– Лейтенант, что ты не спишь, вторую ночь бодрствуешь? Куда мы убежим? Сам же говорил – поймают и расстреляют. И хватит месить грязь. Делаем так: останавливаем машину, уточняем, куда она едет и где сворачивает с нашего маршрута. Те, кто едет, выходят на том повороте и ждут остальных. Как, лейтенант? Подходит?

Мне нечего было возразить – я понимал, что еще одной бессонной ночи не выдержу. Так, на попутках, на третий день мы отмахали 50 километров. Никто не убежал, и я повеселел и успокоился. Ночью я уже спал вместе со всеми. К концу четвертого дня пути мы добрались до расположения штрафной роты, которая была отведена с передовой для пополнения переменным составом. Располагалась она в добротных строениях, использовавшихся немцами под склады.

Оставив своих подопечных в приемной, я зашел в комнату, в которой располагался штаб роты. За столом сидел капитан. Я доложил, что привез троих осужденных. Оторвав голову от бумаг, командир выслушал меня, потом встал, вышел из-за стола, протянул руку и указал на стул. Я сел, а он, присев на край стола, сказал:

– Добре. Давай знакомиться.

Вкратце я изложил свою боевую биографию. Она произвела на комбата хорошее впечатление, и он внимательно посмотрел на меня:

– А я думал, ты еще салажонок. Уж очень ты молодо выглядишь.

Я смутился и замолчал. Командир вызвал помпохоза и приказал зачислить троих осужденных в состав роты. Я расслабился – кончились мои мытарства. Задание выполнено, и через несколько дней я уже буду в родном батальоне. Мы еще немного поговорили с капитаном, как вдруг заходит помпохоз:

– Товарищ командир, принять осужденных не могу.

– Почему?! – недовольно спросил комбат.

– У них нет зимнего обмундирования, а мы получили только на наличный состав. Пока они где-то болтались, мы перешли на зимнюю форму одежды.

– Что же делать? – участливо спросил капитан.

– А все очень просто – пусть лейтенант забирает своих хлопцев и везет их обратно. Там получают зимнее обмундирование, и везет их к нам, а мы их тут примем!

Я едва не упал со стула от этих слов, представив себе путь туда и обратно. Мне буквально стало дурно, и, видя мое состояние, капитан подал стакан воды:

– Успокойся. – И, обращаясь к помпохозу:

– Может, все же примем? Жалко парнишку. Посмотри на него, на нем лица нет.

– Не можем, товарищ командир, – стоит на своем помпохоз.

– Ладно, сейчас уже поздно. Пусть осужденные ночь проведут на нашем приемном пункте, а лейтенанта я возьму к себе на постой. Утром решим, что делать.

Помпохоз ушел. Капитан повернулся ко мне:

– Успокойся, лейтенант, что-нибудь придумаем. Пошли ко мне, поужинаем.

Войдя в располагавшуюся недалеко землянку, командир роты распорядился:

– Петрович, накрывай ужин на двоих.

Пожилой солдат быстро накрыл стол. Надо сказать, что начальство роты не бедствовало. На столе было много закуски, появились и две бутылки водки.

– Ты небось и водку-то пить не умеешь, – ухмыльнулся капитан.

– Умею, умею, не беспокойтесь, товарищ капитан, – захорохорился я.

– Ну, тогда давай! – Смерив меня взглядом, он налил чуть больше полстакана мне и полный – себе.

– Давай, за твое безнадежное дело.

Чтобы угодить капитану, я единым духом опорожнил стакан и схватился за закуску. Капитан выпил, медленно поставил стакан и посмотрел на меня:

– Молодец, хлопец. Вижу, умеешь. Ну а теперь закуси хорошо.

Пил я всегда неохотно и чаще всего отдавал свои сто граммов экипажу. С непривычки я быстро захмелел, обмяк, расслабился. Тревоги четырехдневного пути оставили меня. Закусив, капитан налил еще по стакану.

– Ну, давай! Твое здоровье! – и, не дожидаясь меня, выпил.

Что было дальше, я помню смутно. Утром проснулся в землянке командира роты.

– Ну, герой! Я тут, пока ты спал, принял твоих мазуриков. Сейчас оформлю расписку, и езжай домой.

Радости моей не было предела.

– Давай теперь позавтракаем – дорога тебе предстоит длинная.

Стол был уже накрыт. Капитан налил себе полстакана водки, я отказался. Выпив, он разоткровенничался:

– Скажу тебе, что принимать твоих солдат мне вообще-то было не с руки. Как только я укомплектую роту, так тут же меня отправят на передовую воевать.

Я не стал развивать эту тему, лишь спросил, как служится в штрафной.

– Командиры все кадровые. Штабная категория всех офицеров на одну ступень выше, чем в обычных войсках. Тройной оклад, год службы идет за три, а не за два. У офицеров летная норма. Самое же главное, офицеры не обязаны в тяжелой ситуации личным примером вести солдат в бой.

Закончив завтрак, я попросил капитана разрешения попрощаться со «своими» штрафниками. Он их вызвал, и я пожелал им выжить и поблагодарил за помощь в пути.

В прокуратуру фронта я добрался за два дня, получил благодарность за выполнение задания и вернулся в свою часть.

Только к концу октября прибыл 202-й батальон бригады. Совершив 80-километровый марш, бригада 15 ноября 1943 года сосредоточилась на окраине села Сергейцево недалеко от города Пустошка.

В роте был командир танка Нейман, шустрый еврейчик. Помню, что по дороге в Калинин он очень красиво пел, а как на формировке встали – замолк и ушел в себя. Может быть, предчувствовал что-то или просто испугался. Во время совершения марша он приказал механику:

– Стой! Что-то мотор работает неравномерно.

– Как неравномерно? Я все отрегулировал! – возмутился механик.

– Я приказываю! У меня слух хороший, что-то не работает. Остановимся, подождем зампотеха.

Механик не стал спорить, съехал на обочину. Идет танк, Нейман его останавливает:

– Зампотеха нет?

– Нет. А чего стоишь?

– Да что-то двигатель плохо работает.

– Да? А стартер исправен? А то у меня барахлит.

– Исправен.

– Ну, дай мне его, а себе мой поставь. – Обмениваются стартерами.

Едет следующий танк:

– Что у тебя?

– Стартер не работает.

– А аккумуляторы хорошие?

– Хорошие, недавно получили.

– Ну, давай махнемся.

Вот так он за ночь свой танк на запчасти и раздал. Экипаж промолчал. Когда зампотех приехал, то, конечно, танк был неисправен, и его пришлось отправить в ремонт. Однако кто-то доложил об этом эпизоде в особый отдел. Хотели его судить, но пожалели – пересадили на другой танк.

На следующий день мы пошли в наступление с задачей овладеть деревней Лакуши. Надо сказать, что в районе Невеля – Пустошки была лесисто-болотистая местность. Воевать там – это сущий ад. Я за три месяца боев ни разу не видел, чтобы хотя бы батальон танковый развернулся,

не говоря уже о бригаде! Танки двигаются по дорогам, чуть в сторону свернул – застрял, да так, что вытащить невозможно. Сплошного фронта не было. Немцы строили оборону опорными пунктами, понимая, что обойти их практически невозможно.

Наступали вдоль большака, но, поскольку местность была болотистая, батальон вернуться не смог и наступал в колонне, поддерживаемый пехотой 51-го гв. стрелкового полка 18-й гсд. Подойдя к деревне, были встречены артиллерийским огнем, но с ходу ворвались в деревню, потеряв один танк, и, продолжая наступление, овладели деревней Васютино. 18 ноября батальон получил задачу наступать на Васьково. В бою принимало участие всего шесть танков и три САУ СУ-122. Взять деревню этими силами мы не смогли, но продвинулись метров на пятьсот, уничтожив опорный пункт немцев, потеряв при этом один танк. Закрепившись на этом рубеже, батальон до 20 ноября активных боевых действий не вел, а 21 ноября последовал приказ о передаче танков 78-й Невельской и 92-й бригадам. Батальон отошел с занимаемых позиций в район Тимонино. Однако 22 ноября противник предпринял контрудар из района Сергейцево. Одновременно по перешейку между озерами Жадра и Островито просочилась его пехота, которая захватила Наумово. Одновременно противник захватил Лакуши. На следующий день наступающие от Сергейцево и из Наумово группировки противника соединились, окружив часть наших войск. В связи со сложившейся обстановкой передача танков была приостановлена. Вечером 23 ноября батальон, в котором имелось 11 танков, выступил в район деревни Луга с задачей совместно с 53-м и 51-м ГСП атаковать в направлении Наумово, уничтожить противника и развивать наступление в направлении Лакуши. Однако мы были встречены плотным артиллерийским огнем. Потеряв подбитыми четыре танка, откатились в овраг северо-восточнее д. Луга. 24 ноября немецкая пехота, при поддержке танков, продолжила атаку. В середине дня бригада получила приказ совместно с 51-м ГСП отразить немецкую атаку и овладеть Хишнево. Мы начали наступление вдоль большака в направлении Хишнево, но вскоре были встречены сильным огнем и отошли по приказу командира 18-й ГСД, потеряв сожженными пять танков и подбитым один. Оставшиеся танки заняли оборону по северной окраине д. Луга. Огнем с места попытки противника прорваться и захватить деревню были отбиты. На следующий день противник силами до батальона пехоты, при поддержке 15 танков Т-4 и двух самоходок, неоднократно атаковал наши позиции, но был отброшен. К концу дня его пехоте удалось просочиться в стыке 51-го и 53-го ГСП и захватить северную окраину деревни и подтянуть артиллерию. В результате контратаки оставшихся семи танков бригады четыре были подбиты, а оставшиеся три отошли в направлении Торчилово. Всего за день бригада потеряла четыре танка подбитыми и один сгоревшим, при этом уничтожив самоходное орудие, один танк и 75-мм пушку противника.

26 ноября вечером экипаж сходил на кухню, ребята получили кашу в котелках за завтрак и обед, принесли поллитровку водки на четверых и уснули. Утром просыпаемся: бригады нет. Приходит офицер из штаба 92-й бригады: «Вы переданы в нашу бригаду». – «А наша где?» – «Ваша пошла на пополнение, а вы еще с нами повоюете». Вот так я стал командиром взвода в 299-м танковом батальоне, а Коля Максимов – командиром танка. Несколько дней стояли в обороне. Наступление немцев на этом направлении было остановлено, но они нанесли удар в районе деревень Торжок и Турки-Перевоз. 2 декабря 299-й батальон, в который были сведены все танки, с приданным ему 1453-м САП был переброшен в район деревни Лешни. На следующий день, совершив марш вдоль линии фронта, мы заняли оборону в 2 километрах северо-западнее Сомино. До 16 декабря стояли в обороне. 16 декабря бригада сосредоточилась восточнее деревни Дербиха. Задача батальона была после артиллерийской подготовки совместно с 1453-м САП и частями 115-й стрелковой дивизии форсировать реку Долыссица возле деревни Гатчино и развивать наступление в направлении деревни Торжок. В батальоне оставалось десять танков, а в самоходном артиллерийском полку – пять установок. Форсировали реку по наведенному мосту под огнем противника, потеряв два танка и одну самоходку.

Прорвав оборону противника, вечером подошли к деревне Торжок и захватили ее. Пехота атаку не поддержала. Оставшись одни, заняли круговую оборону. Немцы нам обратно дорогу перерезали, подтянули противотанковые орудия и в итоге сожгли два танка и две самоходки. В этом бою, продолжавшемся всю ночь, погибли командир взвода, командир роты, а командир батальона капитан Кожанов и еще один командир роты сбежали. Правда, к утру они, видимо, очухались и оба втихаря вернулись. К этому времени я уже принял командование остатками батальона и решил организовать прорыв из этой ловушки назад, чтобы выйти тем же путем, что и пришли. Тут появляется наш комбат, весь мокрый, и орет: «Вперед! Братья кровь проливают, а вы тут сидите!»... Но в это время нам передали по радио, чтобы мы оставались на месте и держали оборону, а нам на выручку идут танки бригады. Немцы нас не атаковали, только обстреливала их артиллерия. Одним из снарядов был убит капитан Кожин, и батальон принял капитан Жабин. Вскоре подошли танки и грузовики с горючим и боеприпасами. Бригада ушла вперед, а мы остались дозаправляться горючим и снарядами, приводить танки в порядок.

Утром 18 декабря проскочили километра четыре, и надо же так получиться, что мы наскочили на командный пункт командира 370-й стрелковой дивизии, с которой к этому времени взаимодействовала наша бригада. Полки дивизии безуспешно штурмовали населенный пункт Демешкино. Командир дивизии нас задержал и приказал поддержать его пехоту. Комбат сказал: «У меня танк неисправный. Ты бери три танка – и вперед». Вышли вперед на рекогносцировку. Я сразу сказал: «Товарищ полковник, у вас танки горят». Видно было: на снегу перед деревней чадающие черным дымом костры. «У вас танки горят. Что мы сделаем тремя танками? Ведь погибнем ни за что!» – «Молчать, расстреляю! Выполнять приказ!» Повел я взвод в атаку. Пехоту, лежавшую внизу в ложине перед деревней под шквальным огнем, мы прошли, ворвались на окраину деревни, и здесь нас один за другим сожгли. Мне сперва в борт попали, потом в ходовую часть. Танк загорелся, я выскочил, а остальные, видимо, не успели. Вот и все. Весь экипаж погиб. Меня пехота огнем прикрыла, и я отполз к своим. В живых остались я, Коля Максимов и механик-водитель с другой машины. Вернулись на исходную позицию, подошли танки 29-й гвардейской бригады. Я вызвался их повести десантником на танке. Это был первый и последний раз, когда я воевал как десантник. Когда вырвались на передний край, всех, кто был на танке, как ветром сдуло. Оставшись один, я, как уж, вертелся за башней. Казалось, что все пули летят в меня. Свист пуль, скрежет рикошетирующих о броню осколков вдавливали в броню. Это ужас! Как я уцелел – не знаю... Тем не менее в этой атаке мы взяли деревню. Помню, набрали трофейных галет, консервов – питание у нас было неважным.

На следующий день мы сдали танки 29-й гвардейской танковой бригаде и вышли из боев.

1944

Расположились в землянках недалеко от деревни Долгое, что под Великими Луками. Вокруг только глухой лес, в километре виднелась приземистая избушка. В ней жили старуха с молодухой. Был у нас командир взвода, подольский парень Иван Баркалов – единственный, фамилию которого я и по сей день помню. Ему уже было за тридцать, женат, имел двоих детей. Он договорился с этой молодухой, что придет к ней ночью. Мы получали офицерский паек, в который входила 800-граммовая банка американской колбасы, – ее делили на двоих. Вот приходит ко мне этот Баркалов и говорит: «Я тебя прошу, дай мне эту банку. Я в гости пойду, они там голодают». – «Бери, пусть поедят». Утром он возвращается, возвращает банку, хохочет. Я ему: «Что ты ржешь, как конь? Что же ты не отдал?» – «Она тощенькая. Быстро уснула. Я утром проснулся, банку забрал и ушел». – «Какой же ты негодяй! Иди, отдай!» – «Не отдам. Хочешь, сам иди».

Новый, 1944 год мы встречали без каких-либо торжеств. Снег повалил, холодина. Мерзли в холодных землянках. В январе нам объявили, что бригада направляется под Нарофоминск на переформировку. В середине января личный состав бригады прибыл в лагерь под Нарофоминск. Разместились в небольших землянках: 18 офицеров в одной, солдаты в другой и штаб бригады в третьей. Это было все, что осталось от бригады. Тут опять мне пришлось схлестнуться с Баркаловым. Кухня находилась в отдельной землянке, куда мы ходили с котелками. После еды мы их рядком ставили на полку, прибитую к стене. Как-то Баркалов, развалившись на топчане, говорит одному из офицеров:

- Слушай, принеси мне еду. Неохота идти.
- Что я тебе, денщик, что ли?! – возмутился тот. – Ничего я тебе носить не буду.
- Тогда я сейчас все котелки перестреляю.
- Хватить дурить!
- Что, слабо, думаешь?
- Может, и слабо.

Баркалов выхватывает пистолет и сколько было патронов всаживает в эти котелки. Благо стрелял с трех шагов – промахнуться невозможно. Я вскипел, бросился на него... Подрались мы капитально: у меня до сих пор шрам на верхней губе от удара головой. Конечно, нас растащили. Никто докладывать об инциденте не стал. Придумали версию о том, куда делись котелки, и нам их заменили.

Нам было объявлено, что бригада расформируется, а на ее базе создается 4-й отдельный мотоциклетный полк. Пока разрабатывались штаты, подбирались на должности личный состав, офицеры были предоставлены сами себе. Попытка организовать учения не получилась. Часто ходили в Нарофоминск на танцы, а также к зенитчицам, стоявшим в деревне недалеко от лагеря. Как всегда, от нечего делать начинаются чудачества. Заместитель командира батальона по политчасти Кибальник начал домогаться до молодой, красивой фельдшерицы лет двадцати двух. Она ни в какую. Он следил за каждым ее шагом, поставил пост возле землянки фельдшеров и лично инструктировал солдат на посту, чтобы никого к ней не впускать, а ее не выпускать. Однажды не застал ее в расположении части и объявил тревогу, якобы учения. За офицерами, бывшими в Нарофоминске на танцах, послали машину. Девчонка, чувствуя такое давление и не желая этого замполита, нашла себе младшего лейтенанта и стала с ним жить. Тогда Кибальник стал преследовать этого офицера, наговаривать на него командиру бригады, обвинять в нечистоплотности, в сожительстве с этой «мадам». К счастью, командир бригады разобрался по-человечески. Вскоре часть расформировали: девушка уехала в одну сторону, младший лейтенант в другую, но Кибальнику она не досталась.

В марте меня вызвали в штаб бригады и предложили должность командира роты в мотоциклетном полку. Я категорически отказался, безапелляционно заявив:

– Я мотоциклы не знаю, никогда на них не воевал. Как был танкистом, так им и останусь! Что это за война на мотоциклах?!

Я действительно не представлял себе военных действий на мотоциклах.

– Пошлем на взвод, – ответил начальник штаба бригады.

– Посылайте на взвод. Не возражаю.

Следом вызвали Колю Максимова. Он тоже отказался от предложенной должности командира мотоциклетного взвода, сказав, что останется командиром танка. Нам двоим и еще трем или четверем офицерам были выданы личные дела, и мы направились в полк резерва офицерского состава при Главном Управлении БТМВ⁹ в Москву. В моем личном деле лежало представление на орден Отечественной войны и следующее звание «старший лейтенант». В Москву мы прибыли в середине апреля. Коля показал мне город, познакомил с родственниками, жившими в квартире на Гоголевском бульваре, там мы и ночевали. Я познакомился с его сестрой. Она была с 1927 года, уже замуж вышла, и ее муж был тяжело ранен под Сталинградом, оставшись инвалидом 1-й группы; потом он работал водителем. По Москве мы походили, но мало времени было. Я навестил своих знакомых, друзей, там две девчонки со мной учились... Помню, я уже начал мыслить про академию, и, провожая нас, Колина мать говорила: «Как только война закончится, останетесь живы, приезжайте. Будете жить с нами, не надо никакого общежития».

30 апреля мы перешли в запасной полк. Приезжаем в полк, приходим в казарму на Песчаной, а на наших койках записка: «Прибыть в штаб полка, получить предписание на получение танков в Нижний Тагил». В штабе все оформлено, выписаны проездные – срок убытия, срок прибытия, билеты. И 30 апреля, не дожидаясь Первомая, мы поехали в Нижний Тагил. В Перми у меня работала сестра, а мать в Осе: ехать до нее на автобусе часов 8, а теплоходом почти сутки. Я вышел в Перми, постоял-постоял на вокзале, думаю: «Что я туда приеду? Там детей полно, отец один работает, а у меня ничего нет, кроме сухого пайка». Мать потом здорово ругалась, когда узнала, что я мимо проезжал, но не зашел. Она говорит: «Это только ты можешь сделать, больше никто». Я действительно свободно мог заехать: промежуток был большой, плюс можно было сослаться на то, что заболел. Придумать можно было! Но я вот так поразмыслил – и не поехал.

В Нижнем Тагиле мы погрузили танки на 60-тонные платформы. Под гусеницы ставили деревянные колодки, крепили их железными скобами. Спереди и сзади крепили танки растяжками из толстой проволоки, цепляя их за кольца на платформе и крюки, приваренные к броне танка. Сверху натянули танковый брезент, создававший тканевый шатер, под которым можно было отдыхать во время пути.

Рота разместилась в товарном вагоне, в котором стояли сколоченные нары. На них спали, они же служили лавками. Стояло лето. Частенько мы стояли у открытой двери вагона и, опершись на балку ограждения, всматривались в пролетающие мимо поля и луга с работающими на них женщинами и подростками. Завидев эшелон, они отрывались от работы, вставали, распрямлялись, махали нам вслед руками. Эшелону с танками давали «зеленую улицу»: мы останавливались только для смены паровоза и бригады, и в это короткое время роты успевали поесть в столовой. Мелькали полустанки, кишачие людом станции. Везде шла бойкая торговля разной снедью и поношенными вещами. Много было калек: кто на тележке, кто на костылях или с завернутым в карман рукавом. Толкались люди в военной форме, которые, исполнив свой долг, добирались домой. Долго еще потом они будут приходить на вокзалы встречать и

⁹ Бронетанковых и механизированных войск. Использовалась также аббревиатура «БТиМВ». (Прим. ред.)

проводить воинские эшелоны в надежде увидеть знакомого или передать привет сослуживцам в свою бывшую часть.

Нам строго предписывалось никого на платформы не допускать, «попутчиков» не сажать. Но сколько же было желающих! Они, согнанные войной с насиженных мест, двигались обратно на родину. Всеми правдами и неправдами пробирались на платформы, забивались под тенты. Когда обнаруживались такие «зайцы», посмотришь на потрепанный, жалкий вид некогда красивой девчонки, тоску, грусть и испуг в ее глазах – и мужества не хватает их ссаживать. Дрожа от холода и страха, терпя невзгоды пути, добирались люди до своего покинутого дома. Другие везли невесть где и как приобретенные зерно и картофель, чтобы весной посеять и прокормить себя и свое семейство. Жесткое было время...

По утвержденному начальником эшелона графику я заступил дежурным. Проверил караул, посты, связь, доложил о приеме дежурства и приступил к выполнению своих обязанностей. К утру хотелось спать, но я, как мог, боролся со сном. Чувствую – поезд остановился. Приоткрыл дверь вагона, в лицо ударила приятная утренняя прохлада. Спрыгнул на насыпь, огляделся: стоим на разъезде. Впереди маячит одинокая сторожка, возле нее с флажком пожилая женщина в телогрейке, подпоясанной ремнем. Я потянулся до хруста в суставах, по привычке сделал несколько упражнений для рук, размялся и направился вдоль состава. Рядом с танками, на открытых площадках, крепким сном спали «пассажиры»: кто сидя, кто лежа на своих узлах. Мне было жаль этих людей, и я уже не терзался, что нарушил устав, оказав им помощь. Вдруг на одной из платформ мелькнула тонкая мальчишеская фигурка. Подросток, перебираясь от одной группы людей к другой, что-то высматривал, ощупывал и перебирал узлы. Я пригнулся, осторожно пролез под платформой, – худенькая фигурка метнулась за танк. Так и есть, воришка! Мальчишка меня заметил, схватил что-то, спрыгнул с платформы и бросился наутек. «Стой!» – крикнул я. Но его это только подхлестнуло и, прижав к себе сумку, он припустил еще быстрее. Я бросился вдогонку, на бегу распаляясь от злости: «Ах ты, паршивец! Ну погоди, сейчас задам тебе трепку!» Я был спортсмен, и догнать хлопца мне было нетрудно. Я схватил его за шиворот поношенного, большого, не по размеру, пиджака, замахнулся, чтобы дать ему подзатыльник, но тут увидел глаза мальчишки. В них были и ужас, и ненависть... Он весь сжался, сгорбился, ожидая удара. Рука невольно опустилась.

– Фу ты, черт! – Злость как рукой сняло. – Ну? Ты чего испугался? От кого бежал? Чего делаешь здесь в эшелоне? – задавал я глупые вопросы, хотя прекрасно видел, чем он занимался, и понимал, кто стоит передо мной.

Мальчишка молчал, тяжело дыша. По его худенькому телу пробежала дрожь.

– А ну, пошли быстро в вагон, там разберемся. А то, чего доброго, поезд тронется – от эшелона отстанем.

Мальчишка обреченно плелся за мной. По дороге я поднял сумку, которую парнишка бросил на бегу, это была сумка почтальона. Паровоз издал долгий пронзительный гудок, дернулся назад, с грохотом сдвинул платформы с мертвой точки и потащил их вперед, медленно набирая скорость. Солдаты из теплушки протянули руки, на ходу подхватили мальчишку, а следом и меня. Пожилая женщина в черной железнодорожной шинели с обветренным лицом, подняв белый флажок, улыбалась, провожая взглядом наш эшелон. Поезд набирал ход. Пацан, забившись в угол вагона, затравленно озирался и тяжело дышал.

– А ну, герой, давай теперь обстоятельно разберемся, кто ты такой, откуда и зачем пожаловал, – примирительно начал я, рассчитывая на ответное доверие. Парень молчал.

– Ладно, – нашелся начальник караула лейтенант Алексашин. – Давай покормим хлопца. Смотри, какой заморыш, – по всему видно, что голодный.

Не дожидаясь согласия ротного командира, он взял котелок с оставшейся кашей из гречевого концентрата и протянул его мальчишке, нагнувшись к вещмешку за тушенкой и хлебом. Мальчишка не заставил себя уговаривать – набросился на кашу, рукой выгребая ее из котелка,

торопливо и жадно засовывал ее себе в рот большими порциями и, почти не жуя, давясь и икая, проглатывал. Тело его была мелкая нервная дрожь. В какой-то миг он проглотил всю кашу и посоловевшими глазами уставился на окружавших танкистов. Лейтенант Алексашин стоял рядом и, наблюдая эту нерадостную картину, покачивал головой.

– Ну и наголодался ты, хлопец, – и сам поставил перед ним банку тушенки и хлеб. Паренек к ним не притронулся, и тогда механик-водитель Рой, немолодой уже сержант, отец большого семейства, прослезился и обнял мальчишку за худые плечи. Остальные сидели в оцепенении. Всем стало нестерпимо жаль этого одинокого паренька. Я опять спросил:

– Ну, а теперь давай знакомиться. Рассказывай, кто ты и откуда?

Паренек на минуту задумался, словно собирался сочинить какую-нибудь историю, но затем несвязно заговорил:

– Я из Москвы. С Зацепа.

– Что же это ты, голубчик, так легко покинул столицу нашей Родины? – полушутя спросил я.

– А что мне там делать? Я воевать хочу.

– Вот вояка! – засмеялся Зарубин.

– Ну-ну, продолжай, – настаивал я.

Вкратце назвавшийся Николкой парень рассказал, что отец погиб на фронте в 41-м, мать умерла. Николка жил у старшего брата, который ушел на фронт. Жена брата, забитая нуждой, невзлюбила парнишку: целые сутки заставляла возиться со своими детьми, нещадно била и беспрерывно попрекала куском хлеба. Последнее больше всего уязвляло самолюбие подростка. Он не выдержал унижений и подался на улицу, где связался со шпаной и стал промышлять мелким воровством на Зацепском рынке. После нескольких приводов в милицию и очередного скандала дома Николка подался на фронт. Приставал то к одному, то к другому эшелону, но каждый раз его снисходительно выслушивали, кормили, давали на дорогу продуктов, но с собой не брали. Так он мотался по России и Украине от тыла к фронту и обратно.

– А что за узел у тебя?

– Стажил, жить-то нужно.

– А это что за сумка? – открывая ее, спросил лейтенант.

– Смотри, сколько здесь писем. Люди ждут любого известия с фронта, а ты украл и выбросил ее, – с металлом в голосе сказал я. – Это подлость, хлопец, и за нее бьют крепко.

Пацан вновь съезжился, помрачнел, опять стал похож на загнанного зверька. Воцарилась тишина, в ней едва слышно пропищал голос горемыки:

– Дяденька, я больше не буду, возьмите меня только на фронт.

– На фронт? – задумчиво проговорил я. – На фронт нельзя, на очередной станции мы сдадим тебя коменданту, и он отправит тебя в Москву к брату, если ты не соврал.

Парнишка замолчал и, растирая глаза грязными кулаками и всхлипывая, стал нас уговаривать:

– Дяденька! Мне нельзя в Москву, ну никак нельзя! Не могу я поехать к этой кикиморе, лучше возьмите меня на фронт.

У меня стало тяжело на душе.

– Вася, давай возьмем! Это же мой земляк! – вступился Коля Максимов.

– Ишь ты, какой добренький! Как это возьмем? Этак все пацаны в армию потянутся.

Я задумался и после короткой паузы, не обращая ни к кому, проговорил:

– А, была не была! Возьму тебя, Николка, а там – будь, что будет. Только, чур, никому на глаза не показываться, пока не приедем в часть. Ты, Зарубин, на очередной остановке посади его к себе в танк, и пусть там живет. По пути отдай сумку почтальону на 12-й или 9-й платформе.

– Я помню, где они, – пробурчал обрадовавшийся Николка, – сам отдам.

На пограничном посту мы спрятали парня в одном из «чемоданов» боеукладки и так провезли его в прифронтовую полосу.

К моменту прибытия нашего эшелона на фронт войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли на рубеж Яссы – Оргеев – Дубоссары и далее по реке Днестр до Черного моря. Обе стороны, понеся большие потери, были измотаны; войскам требовались отдых и пополнения. Таким образом, к концу мая 1944 года на фронте установилось относительное затишье. 18-й танковый корпус был выведен в резерв, и 170-я танковая бригада передислоцировалась в район Ларга – Мовилений – Потэнджений. Расставили танки, машины, определили места расположения личного состава, штабов, тыловых подразделений и немедленно приступили к инженерному оборудованию и маскировке позиции. В конце июня эти работы были закончены. Также было закончено углубленное техобслуживание танков и машин. Все танки были заправлены горючим, маслом, боеприпасами. От каждого батальона в засаде на высоте 195,0 непрерывно находился взвод танков, который нес охрану и вел наблюдение за противником. Смена экипажей проводилась раз в неделю, ночью.

11 и 12 июня бригада получила 22 танка с экипажами с Челябинского танкового завода. А 17 июня пришел наш эшелон с 21 танком Т-34-85 из Нижнего Тагила.

Когда мы прибыли в батальон и обнаружился «заяц», поднялся скандал. Особенно усердствовал уполномоченный особого отдела батальона Иван Морозов, усматривая в этом преступление, связанное с нарушением пограничного режима. Комбат Отрощенко вызвал меня и устроил хорошую выволочку, но быстро отошел, задумался над моими доводами и обратился к замполиту: «А что, Иван, может, оставим хлопца? Будет у нас свой «сын полка». Сходи к Негрулю, возможно, он сжалится над мальчонкой».

Капитан Постовалов довел меня и Николку до землянки политотдела бригады и приказал привести себя в порядок и ждать, войдя к подполковнику Негрулю первым. Вскоре вызвали меня. Начальник политотдела молча, изучающе посмотрел на меня, а затем тихо и нехотя произнес:

– Не с того начинаешь, товарищ лейтенант, службу в нашей бригаде.

Немного подумав, он продолжил:

– Что прикажете делать с вами?

Я молчал.

– Ну, ладно, – тяжело вздохнул подполковник Негруль. – Подождите здесь, я схожу к комбригу, посоветуемся.

Оставшись втроем, мы молчали, ожидая решения. Николка сник и ужасно боялся, что его отправят обратно. Из штабного автобуса крикнули: «Постовалов! Веди своих мазуриков». Мы вошли в аккуратно убранный салон: в нем за столом сидел невысокого роста молодой, симпатичный полковник с приятными серыми глазами и добрым взглядом. Постовалов доложил о прибытии.

– А ну, герои, расскажите, как вам удалось надуть пограничников? Ведь они утверждают, что у них даже мышь через границу не проскочит.

Я кратко и образно доложил. Комбрига развеселила эта история, он от души посмеялся и после короткого раздумья сказал:

– Георгий Иванович, не отправлять же пацана назад. Дай команду Прокопенко, пусть определит его в 1-й батальон помощником к повару и поставит на все виды довольствия.

Начальник политотдела согласился. На душе у меня отлегло. Обратный путь был веселее. Шутил Постовалов, подтрунивая над Николкой, а тот неожиданно заупрямился: «Не хочу и не буду работать на кухне! Что я, холуй или чем щи наливают? Хочу быть разведчиком!»

Я оторопел от Николкиной прыти. Только что был согласен исполнять любую работу, а сейчас подавай разведку! Большого труда стоило мне уговорить пацана подчиниться приказу. Портной бригады сшил ему армейскую форму, подогнал пилотку; сапожник сшил из парусины

ладные сапожки. Вскоре Николка стал любимцем батальона. Он оказался способным, сообразительным и смелым хлопцем, в боях под Будапештом ходил в разведку и был награжден медалью «За отвагу».

Не успели все успокоиться после этой истории, как вдруг меня вызвал к себе капитан Прокопенко. Я недоумевал и гадал: «Что бы это могло значить? Для чего я потребовался помпохозу бригады?» В землянке я доложил о прибытии, Прокопенко поздоровался, обошел вокруг, внимательно, с ухмылкой осмотрел меня со всех сторон, а затем сказал:

– А я думал, вы не сможете ко мне прибыть.

– Почему же не смогу? – не понял я.

– Да потому, что вы и офицеры вашего взвода голые. В ваших вещевых аттестатах все обмундирование списано.

Тут только до меня дошло, почему меня вызвали. В дороге механик-водитель танка Котов, бывший рецидивист и большой специалист по подделке документов, с помощью простого циркуля, ручки с пером и химических чернил с сахаром на листке бумаги нарисовал оттиски печатей. Оказалось, они списали обмундирование офицеров взвода! Прокопенко не сомневался в подлинности печатей, но не мог понять, как это случилось.

Я быстро придумал версию:

– Товарищ капитан, по прибытии с фронта в запасном полку нам списали обмундирование, а выдать не успели, сказали, что на фронте получим.

– Все это так, но уж больно добротное у вас обмундирование, такое и списывать жалко. Ладно, идите и получайте новое.

Я выскочил от Бати как ошпаренный: «Пронесло на сей раз, но больше шутить с этим нельзя, это же подсудное дело!» А Максимову сказал:

– Что-то наша служба в бригаде начинается с частых вызовов к начальству.

Бригада

По своему составу танковая бригада – небольшое соединение. В ее составе всего 4 батальона и 3 отдельные роты. Все танковые батальоны одинаковые по организации, количеству машин и людей, но все они по подготовке, состоянию техники и вооружения, по организованности и порядку не похожи друг на друга. Наш 1-й танковый батальон выделялся на фоне остальных благодаря его командиру Сереже Отрощенкову, которому тогда было 22 года.

Помню, летом проводили строевой смотр бригады. Наш батальон проверял сам комбриг полковник Чунихин. Надо сказать, выглядел он солидно: уверенно командовал бригадой и пользовался огромным авторитетом. В бригаде все называли его Батя. К людям он относился бережно и не гнал бригаду в бой очертя голову, а действовал обдуманно, осторожно и в то же время решительно. Это позволяло бригаде успешно и малой кровью выполнять поставленные задачи. К смотру мы готовились тщательно – всем хотелось порадовать Батю.

Мы выстроились на небольшой расчищенной поляне. Подъехала машина, из нее не спеша вышел полковник Чунихин. Капитан Отрощенков подал команду: «Смирно! Равнение на середину!», резко повернулся кругом и, чеканя шаг, направился к идущему навстречу комбригу. Не доходя до него, он остановился и громко и отчетливо доложил: «Товарищ полковник! 1-й танковый батальон построен и к смотру готов!» Рослый, подтянутый, красивый, молодой комбат выглядел солидно. Комбриг поздоровался с батальоном, дал команду «Вольно», пожал руку комбату и не удержался, по-дружески обнял его. Обходя строй, лично знакомясь с вновь прибывшими, комбриг внимательно вглядывался в лицо каждого офицера. Знакомясь со 2-й танковой ротой, он остановился около комвзвода лейтенанта Гуляева и пристально начал вглядываться в его лицо. Пауза затянулась, окружающие недоумевали. Затем лицо комбрига расплылось в улыбке: «Иван!.. Гуляев! Ты ли это, дружище?!» – воскликнул он. Комвзвода, явно смущенный таким вниманием и встречей, невнятно пробормотал: «Так точно, товарищ полковник, я». Чунихин от души обнял Гуляева и трижды поцеловал. Лейтенант стоял пунцовым от смущения. Как потом выяснилось, еще в 1930 году Иван Гуляев был помкомвзвода, а красноармеец Чунихин два года под его командованием постигал солдатскую службу. Затем Гуляев уволился и уехал в свою Куйбышевскую область, где стал заведующим птицефермой, а Чунихин поступил в военное училище. И вот, через 14 лет, они неожиданно встретились. Вскоре Гуляев был назначен командиром роты.

Строевой смотр закончился прохождением рот торжественным маршем. Комбриг остался доволен подготовкой и состоянием батальона. Обратившись к нам, он в краткой речи рассказал о положении на фронтах и более подробно раскрыл обстановку на участке 2-го Украинского фронта, в заключение призвал всех упорно и настойчиво готовиться к новой наступательной операции.

Лето 1944 года выдалось жарким. Нещадно палило солнце, вся живая растительность выгорела. Густая серая пыль поднималась вверх даже при движении одиночного солдата. Танки же на занятиях взвинчивали целые столбы пыли, которая проникала во все щели, забивала легкие, оседала на лицах, смываемая каплями пота, застывала грязевыми подтеками на шее. В прифронтовой полосе до самого Прута все население было выселено. Вокруг – необъятные просторы заброшенных полей, садов, разрушенных деревень. Это позволяло нам свободно, без ограничений, учить личный состав военному делу. Особое внимание комбат Отрощенков уделял тактике и огневой подготовке. Он любил этот предмет и прекрасно разбирался во всех тонкостях боя. Часто комбат ставил командиров танков, взводов, рот в сложные условия, добиваясь, чтобы каждый проявлял творчество и инициативу. На выдумки он был большой мастер.

Для очередных зачетных стрельб из танков штатным снарядом подбирали закрытую местность. Выставили оцепление, расставили мишени, загрузили боеприпасы. В первую смену

стреляли я, Гуляев и Максимов. Мы заняли свои места, последовала команда: «К бою!» Танки рванулись вперед, пересекли линию открытия огня. Коля и я с первого выстрела поразили свои цели – деревянные мишени разлетелись в разные стороны. Пока Гуляев отыскивал свою цель и наводил пушку, Коля вторым снарядом разбил его мишень, а третьим снарядом ударил по стоящему в створе мишеней дереву, которое осело и повалилось. Отстрелявшись из пулеметов, мы вернулись на исходный рубеж и по сигналу «Отбой», забрав стреляные гильзы, пошли на доклад к комбату. Иван Гуляев не на шутку рассердился и на ходу зло ворчал на Максимова. А тот как ни в чем не бывало спокойно шагал и отшучивался: «Нужно стрелять, а не ворон считать». Выслушав доклад, Отрощенко отругал Максимова, назвав его «хулиганом на огневом рубеже». Однако затем он похвалил его за отличную стрельбу и снял с руки часы, вручив их Коле. В этом был весь Сергей! Он, как никто, чувствовал и знал, сколь мала дистанция между командиром и солдатом в бою, как много значит человеческое отношение и боевое товарищество.

Однажды под Яссами у меня на руке раздулся большой карбункул. Опухоль опустилась вниз и дошла до пальцев. Не выдержав адской боли, я пошел в санчасть. Заправлял ею старший фельдшер батальона старший лейтенант Василий Демьянович Колесниченко. Это был немолодой, но удивительно деятельный медик. Он осмотрел руку и сделал заключение: нужно идти в медсанвзвод бригады или в медсанбат корпуса.

– Доктор, нету мочи терпеть, делай что хочешь, но помоги, – взмолился я.

– Ладно, помогу, но будет очень больно, терпи, – согласился фельдшер.

Взяв опасную бритву, он протер ее спиртом, обжег на пламени спиртовки и, обработав руку, властно потребовал: «Отвернись и терпи!» Крепко сжав мою руку, он чиркнул по карбункулу бритвой, но разрезать не смог. У меня помутилось в голове, я был на грани потери сознания, кровь брызнула и залила руку. «Терпи!» – грозно прорычал Колесниченко и вновь полоснул бритвой. Карбункул раскрылся. Очистив рану, положив тампон, Колесниченко перевязал руку и сочувственным голосом сказал: «Теперь иди в роту, усни. Отдохнешь, и все пройдет». Как пьяный, я побрел к танку, ругая и проклиная «коновала» за варварскую операцию. По пути я заметил, что в тени огромного дерева грецкого ореха лежит дивчина. Несмотря на отвратительное самочувствие, я подошел и заговорил с ней. Она приподнялась на локтях, и тут я обнаружил, что она на пятом или шестом месяце беременности. Девушку звали Мария Мальцева, она служила санинструктором в зенитно-пулеметной роте. Я ее ни о чем не спрашивал, но мне ее стало очень жалко: «Какой-то негодяй обрюхатил и смылся!»

К утру мне стало гораздо легче... Колесниченко помогал людям, делал маленькие операции, устранял вывихи и снимал боль. Это был природный целитель: спокойный, бескорыстный и доброжелательный. Колесниченко хорошо учил санинструкторов. В бой они шли на танках командиров рот, а он шел вместе с комбатом. Это позволяло быстро оказывать первую медпомощь раненым и обгоревшим танкистам, спасать их от неминуемой гибели. Колесниченко много раз был ранен, но непременно возвращался в свой батальон, где ему всегда были рады. После очередного ранения, уже после войны, он вернулся в батальон и погиб уже в Австрии, в автомобильной катастрофе.

Иная обстановка была во 2-м танковом батальоне. Здесь сменилось почти все командование. Не пробыв в должности и месяца, убыл обратно в корпус комбат капитан Личман. Комбатом стал старший лейтенант Николай Иванович Матвеев, бывший замкомандира 1-го танкового батальона. Комбат был невысокого роста, это был симпатичный и добродушный офицер. Он быстро вырос в бригаде, но не имел опыта и навыков управления. Поначалу командовал он робко и нерешительно, с трудом мог употребить власть. Плохую услугу оказывал ему замполит Шлыков, доносивший в политотдел бригады по любому поводу. Было известно, что он собирал «досье» на комбата и его замов. Подполковник Негруль, морщась, читал его донесения, упрекал в доносительстве, но ничего поделать не мог. Таких людей, как говорят, могила

исправит. В батальоне создалась нервная обстановка, а это отражалось на ходе боевой подготовки, воинской дисциплине и состоянии дел в целом. Полковник Чунихин и подполковник Негруль быстро поняли это. Комбриг целыми днями находился в батальоне, помогал Матвееву разобраться в обстановке, учил комбата планированию работы, формам и методам обучения и воспитания личного состава. Большую работу провели штаб бригады и особенно начполитотдела. Постепенно положение в батальоне стало выправляться: капитан Шлыков притих.

3-й танковый батальон располагался в некотором отрыве от штаба бригады. Дела в батальоне шли нормально и не беспокоили командование бригады, поэтому они редко бывали там. Этим воспользовался комбат майор И.Е.Бузько. Природа щедро наградила этого баловня судьбы пышущим здоровьем, но обделила разумом. Могучего телосложения, высокий и красивый, 29-летний майор был неотразим. Девчонки заглядывались на него, он это чувствовал и нагло пользовался их доверием. По натуре Бузько был груб, заносчив и необуздан. Он любил бахвалиться: «Пидымо у бой, усеа награжу ордэнами, а сам буду Героем». С замами отношения у него не сложились, а с личным составом он заигрывал, хотел показаться рубахой-парнем и страстно желал, чтобы его называли Батей. Но не получилось – солдат сразу чувствует фальшь.

Чем дальше, тем больше Бузько распирала дурь. Больше всего он любил кутежи и женщин. Если мимо расположения батальона проходила девушка в форме, он надевал летнюю кожаную куртку и командовал: «Пэтро, скажи, шо ее пилковник вызываем». Девчонка с ходу приводила себя в порядок и ускоренным шагом входила в землянку. Он, вальяжно развалившись, приглашает: «Сидай, сидай, мылая, когда тэбе пилковник приглашае. Пэтро! Накрой стол!» Пэтро вмиг исполняет, Бузько угощает, сыплет комплименты. Девчонка смущается, не может отказаться от его угощения, и, пожалуй, не было случая, чтобы какая-либо из них устояла перед ним... Часто после попойки Бузько просил: «Спырту!» Зама прятали спирт и старались не давать ему этого зелья. В одну из ночей он вызывает к себе помпохоза и приказывает: «Спырту!» Тот отвечает: «Спирту больше нет».

– Нэма?

– Да, товарищ майор.

– Грищенко до мэнэ!

Приходит его заместитель Грищенко и с лету: «Хватит дурить, комбат».

– Та шо, спирту нэма?

– Нэма, – отвечает его зам.

– Тоды – тревога батальону.

– Какая еще тревога? – не понял Грищенко.

– Боевая!

– Брось дурить, майор!

Бузько раскипятило:

– Я приказываю – тревога!

Заму ничего не остается делать, как исполнять хоть и дурной, но приказ.

– А какой номер?

– Первый!

Тревог было три номера. Первый – это угроза нападения: экипажи должны занять свои места в танках. Грищенко объявляет тревогу – в расположении батальона все закрутилось. Весь личный состав занял свои места в готовности к отражению атаки противника. Чтобы прикрыть дурь комбата, начштаба капитан Сякин достал план проведения тренировок и вместе с Грищенко начал давать «вводные о выдвижении противника», затем последовали «атака нашего переднего края и бой в глубине». Прошло около двух часов, встало солнце. Грищенко заходит в землянку комбата. Будит его:

– Товарищ майор, разрешите сделать отбой тревоге?

– Який такой отбой? Хай тренируются.

- Ну это уже слишком. Я даю отбой!
- Ну лады, не хотите учить, отбой. Объявим отбой...
- А тут и подъем!

Грищенко вновь входит в землянку Бузько. Тот развалился на топчане.

- Товарищ майор, нужно разбор сделать.
- Який ишо разбор?
- Такой, как положено. Мы подготовили вам недостатки и на что обратить внимание.
- Пистрой батальон, я знаю, что сказать, и без ваших писулук.

Батальон стоит в строю, Бузько подходит:

– Здорово, горлы. Шо я вам кажу. По тревоге пиднаматься нэвмеетэ. Шо це за тревога? Как Грищенко гукнул: «Трэвога!», Клава пидхватылась, як ошалелая. Вместо своих панталон натенула мои бруки и нэ пиймет, як комбат будэ бэз штанив дэйствовать пи тревоге.

Это была просто сальная шутка. Половину землянки занимал комбат, а вторую, отгра-
ниченную лишь занавеской, – медсанвзвод, где жили фельдшер Колесниченко и Клава – сан-
инструктор батальона. Батальон покатывался от смеха, а Клава, пунцовая от стыда, не знала,
куда деться.

- Так вот, хлопцы, трэнироваться трэба. Разойдысь.

Все с хохотом, шутками-прибаутками в адрес Клавы разошлись. Клава стремглав броси-
лась в свою землянку и залилась слезами. А Бузько как ни в чем не бывало направился к штабу
и бахвалился своим замам: «Учитэся, пилководцы, у мэни. Я к людям пидход знаюго. Воны
мэни любят».

В разговор вступил замполит:

– Вот что, комбат! Любят люди вас или нет, а перед Клавой я требую, чтобы вы извини-
лись. Нельзя так обижать и ни за что позорить девушку.

- Подумаешь, шо я такого сказав?
- А извиниться придется. Я требую, – закончил Гончаров.

В бригаде узнали про чудачества Бузько и вызвали его в штаб бригады по телефону. Ему
передали, что его срочно требует комбриг бригады.

- Грищенко, поезжай ты.
- Так вас требуют! Чего я-то поеду?! Не поеду, раз меня не вызывают.
- Вечно вы куражитесь, вечно мне шпильки в колеса вставляете, даже не хотите поехать!
- Товарищ майор, раз вам приказывают, надо ехать.
- Ладно, хорошо. Давай фляжку спирта, закуску – угостить командование надо.

Надо сказать, без подарков он в штаб никогда не ездил. Собрали его, и он уехал. Приез-
жает часа через два.

- Грищенко, комбриг говорит, чтобы ты приехал... Поезжай.

Грищенко приезжает, докладывает командиру бригады:

- Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыл.

Тот на него смотрит:

- Да вы что, издеваетесь?! Я же вызывал командира батальона, а не вас!
- Так командир батальона у вас уже был и сказал, что вы меня вызываете.
- Когда? Я его в глаза не видел! Срочно! Живого или мертвого ко мне!

Тот возвращается:

- Товарищ майор, в какое положение вы меня поставили? Вы не были у комбрига.
- Так ехал, ехал, отдохнул немножко...

После этого пришел приказ: снять Бузько с должности и отправить в управление кадров
корпуса. Объявили приказ. Он говорит:

– Горлы! Нэвдалось мэне с вами геройски повоеваты. Ордена ви ужо не получитэ, а я то бы вас всех наградил! За мэне остается Грышенко. Смотрите, шоб порядок был як при мэни. А я пиду пилк прыньмать.

Бузько уехал, и офицеры с облегчением вздохнули. Как сложилась его дальнейшая судьба, никто не знал и не интересовался, слишком плохую память он оставил о себе. Зато стало известно, как он попал к нам. Во время боев за Киев капитан Бузько был командиром роты управления 53-го тяжелого танкового полка фронтового подчинения. Немцы нанесли сильный контрудар, во время отражения которого погиб весь командный состав полка. Однако командир полка успел отправить командира роты управления со знаменем полка, политотделом и частью тылов подальше от линии фронта. Когда пришло сообщение, что все командование полка погибло, Бузько взял командование остатками полка на себя. Одновременно он послал во фронтовое управление телеграмму, что такого-то числа вступил в командование полком, описал в ней, как он героически сохранил знамя, вел себя умело и грамотно. Командование согласилось с таким временным решением, и в его распоряжение стала поступать техника, солдаты и офицеры. Тут он уже распетушился: как же – командир полка! Вдруг приезжает вновь назначенный командир полка в звании подполковника, вручает ему предписание и говорит: «Товарищ Бузько, с сегодняшнего дня прошу передать полк». Он посмотрел и ответил: «Я этот полк не принимал и сдавать тебе не буду. По уставу положено, чтобы приехал представитель штаба фронта. Где он? Нет? Вот и поезжай, когда будет представитель фронта, тогда и передам полк тебе». – «Как не будешь?! Вот приказ, подписанный начальником штаба фронта!» – «Ничего не знаю, передавать не буду». Подполковнику ничего не оставалось, как вернуться в штаб фронта. Второй раз он приехал уже с заместителем начальника управления кадров. Бузько их встречает: «Вот это другое дело! А то приехал, писульку мне какую-то сунул – сдавай полк. Теперь, пожалуйста, принимай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.